

ИРИНА
БОГДАНОВА

МЕРА
бытия

Ирина Богданова

Мера бытия

«Сибирская Благозвонница»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Богданова И. А.

Мера бытия / И. А. Богданова — «Сибирская Благовонница»,
2020

ISBN 978-5-00127-345-5

Поначалу это повествование может показаться обыкновенной иллюстрацией отгремевших событий. Но разве великая русская история, вот и самая страшная война и её суровая веха – блокада Ленинграда, не заслуживает такого переживания – восстановления подробностей? Удивительно другое! Чем дальше, тем упрямей книга начинает жить по художественным законам, тем ошутимей наша причастность к далёким сражениям, и наконец мы замечаем, как от некоторых страниц начинает исходить тихое свечение, как от озёрной воды, в глубине которой покоятся сокровища. Герои книги сумели обрести счастье в трудных обстоятельствах войны. В Сергее Медянове и Кате Ясиной и ещё в тысячах наших соотечественников должна была вырваться та любовь, которая, думается, и протопила лёд блокады, и привела нас к общей великой победе. А разве наше сердце не оказывается порой в блокаде? И сколько нужно приложить трудов, внимания к близкому человеку, даже жертвенности, чтобы душа однажды заликовала: Блокада прорвана!

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00127-345-5

© Богданова И. А., 2020

© Сибирская Благовонница, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Ирина Анатольевна Богданова

Мера бытия

© Богданова И.А., текст, 2020

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2015

* * *

*Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р22-221-3276*

В честь окончания средней школы Катя Ясина задумала совершить альпинистское восхождение на старую колокольню. Блестящая мысль пришла в голову на праздновании нового, тысяча девятьсот сорок первого года, под бой кремлёвских курантов. Высота всегда манила её своей загадочностью. Казалось, что небо в заоблачной выси отражает наш мир наподобие зеркала, и чтобы проникнуть в тайну, надо лишь раздвинуть руками облака или подняться над землёй вровень с птицами.

Осуществлять идею следовало втайне от мамы, поэтому своими намерениями Катя поделилась только с подругой Ольгой и одноклассником Максимом – они не только не выдадут, но и будут страховать трос внизу. Разбиться насмерть в Катини планы не входило.

Верёвку с крюком-кошкой раздобыла Ольга, тишком позаимствовав инвентарь у отца-лесничего, а Максим взял с собой фотоаппарат, чтобы зафиксировать местный рекорд. Фотоаппарат был единственный в округе, и Максим страшно им гордился.

Взахлёб читая в газетах о героях-альпинистах, Катя воочию представляла себя с мотком верёвок на плече и значком альпиниста СССР первой степени на груди. О славных альпиниадах тридцатых годов пели песни, сочиняли стихи и привозили в клуб документальные фильмы. Последний фильм о покорении Эльбруса киномеханик крутил три раза, заставляя Катино сердце трепетать от восхищения перед смелыми людьми, бросавшими вызов матери-природе.

Колокольня стояла далеко за селом, в чистом поле, густо поросшем ромашками. Когда по цветам пробежал ветер, создавалась иллюзия, что колокольня плывёт по белым волнам, готовясь отчалить в дальнее плавание. Рухнувшая церковь давным-давно сравнялась с землёй, а колокольня выстояла, впитывая в свои брёвна тьму веков. Лестница внутри насквозь прогнила, но наружные стены стояли прочно, уверенно. Нижние венцы, сложенные из сосновых брёвен в два обхвата, возносили вверх трёхъярусную башню, увенчанную четырёхгранной пирамидой звонницы со сломанным крестом.

Старики говорили, что колокольня не раз спасала народ во время пожаров, потому что колокольный звон могли слышать сразу в нескольких деревнях. Чтя историческую память, Катя коснулась ладонями тёплого дерева, словно вливая в себя частицу древней силы.

– Высоко! Может, не полезешь, Катя? Может, передумаешь? – Ольгин голос зазвенел истеричными нотками. – Если сорвёшься, меня отец убьёт.

– Так уж и убьёт.

– Ну, шкуру спустит...

Две девушки – Катя и Оля – резко отличались друг от друга как характерами, так и внешностью. Катя, одетая в сатиновые шаровары и футболку, была светловолосой, невысокой и со смешными детскими конопушками, а Ольга в голубом платье с белым воротничком – статной, броской, хоть сейчас в кино снимай.

Катя сердито нахмурилась:

– Вечно ты, Ольга, колеблешься. Прямо как оппортунистка какая-то, а не комсомолка.

– Сама оппортунистка.

Максим озабоченно настраивал объектив и в девичий разговор не вступал – знал, что спорить с Катей бесполезно, она кого хочешь переупрямит.

Прежде чем забросить крюк, Катя внимательно осмотрела козырёк первого яруса. Вздывившаяся от старости дранка отсвечивала тусклым серебром, отдалённо напоминая чешую огромной сказочной рыбы. Крюк вошёл в дерево с глухим стуком, спугнувшим с крыши стайку взъерошенных воробьёв. Для надёжности Катя крепко подёрнула верёвку и легко подтянулась на руках, чувствуя, как мышцы упруго наливаются силой. Сейчас она могла бы подняться до самого неба.

– Ура! Броня крепка и танки наши быстры!

Победно вскинув голову, Катя бросила взгляд на побледневшую Ольгу и весёлого Максима с фотоаппаратом в руках. От нетерпения он приплясывал на месте:

– Замри, Ясина! Снимаю!

Катя прищурилась от бьющего в глаза солнца, купаясь в чувстве бесшабашности, от которого в венах кипит молодость, а жизнь прямым трактом стелется под ноги. Созвучно её настроению туго натянутая верёвка отозвалась пением струны, и этот звук тоже показался радостным и символичным, потому что сейчас всё внутри и вокруг Кати пело от радости.

На колокольню она поднималась долго, минут сорок, уже из последних сил перевалившись через окно звонницы.

Трухлявые доски опасно скрипнули, но Катин вес выдержали.

Вес мешка картошки, как шутила мама.

Сквозь частые прорехи в прохудившейся крыше солнце сеяло на голову солнечный дождь, золотым столбом кружа невесомые пылинки.

А приволье внизу! Замирая от восторга, Катя охватила взглядом зелёные поля, цветущий луг, кромку леса, чётко прорисованную на фоне синего неба. И это всё принадлежит ей! Как же она любила этот мир и чувствовала, что он тоже любит её, звонко откликаясь щебетом птиц и шелестом трав у подножия колокольни.

Она помахала рукой Максиму и Ольге. Потом набрала полную грудь воздуха, раскинула руки и закричала:

– Люди, я люблю вас! Будьте счастливы!

Пусть её голос услышат во всех деревнях, куда раньше долетал звук колокола. Сейчас от него остались ржавые стропила да обрывок кручёной верёвки, небрежно перекинутой через балку.

Уже собираясь спуститься, Катя вдруг заметила в углу пола небольшой медный крестик, лежавший рядом с корочкой хлеба. Крест и хлеб – неизвестно почему, но эти два слова слились у неё в единое целое. Она не могла уйти, оставив их валяться здесь на поломанных досках. Опасаясь рухнуть вниз, Катя осторожно дотянулась до находок и сунула их в карман шаровар.

* * *

Хотя квадратный рупор ретранслятора шуршал помехами, речь Молотова слушали забывая дышать. Казалось, даже куры перестали квохтать, в тревоге замерев под широкими досками крыльца сельсовета.

Слова из ретранслятора падали тяжёлые, страшные. От них Кате хотелось спрятаться и убежать во вчерашний день, который был таким тёплым и радостным. Она обвела глазами односельчан.

Вытянувшись в струнку, фельдшерица теребила в руках косынку, председатель сельсовета – одноногий Иван Сидорович Матвеев – бессильно повис на костылях. Его руки от напря-

жения змеями обвили чёрные вены. Учётчица Любушка зажала кулаком рот, чтобы не закричать. Подружка Оля то всплескивала руками, то бралась за голову.

Чуть поодаль с серьёзными лицами стояли парни. Как по команде они расправляли плечи и распрямляли спины, с каждым словом Молотова становясь взрослее и выше. Катя подумала, что с этой минуты они уже не сельские парни, а бойцы Красной армии.

«...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» – закончил речь Молотов.

Бабы поняли, что началась война, и заголосили.

Опасаясь всеу накликать лихо, войну ждали. Её дух начал витать в воздухе в конце тридцатых годов, когда фашисты развязали войну в Испании. Потом началась советско-финская.

Несмотря на то, что Финская кампания вскоре закончилась, страна понимала – следующая война не за горами.

И всё-таки она сумела прийти неожиданно, ударив под дых так, что в лёгких закончился воздух.

– Какой был день прекрасный, светлый, солнечный, – ни к кому не обращаясь, вдруг сказала дачница Вера Ивановна, приехавшая из Ленинграда с мужем-профессором. – А враг его в чёрный цвет выкрасил!

И правда в чёрный! Катя посмотрела вниз с горки, на которой стоял сельсовет. Отсюда крутая тропинка сбегала к избам на берегу небольшой, но бурной речушки. Колодец с высоким журавлём, клуб с широкой скамьёй у крыльца – они как будто стали меньше, насупились, потемнели. Полчаса назад это была обыкновенная деревня Новинка – одна из многих тысяч деревень в большой стране, а теперь она вдруг стала частью огромной Родины, которую надо защищать.

– До последней капли крови, – одними губами сказала себе Катя, чувствуя на плечах воображаемую шинель, а в руках винтовку.

«Возьмём винтовки новые, на штык флажки!» – всплыло из памяти стихотворение Маяковского. Катя декламировала его на ноябрьском концерте. В первом ряду в нарядной кофточке сидела мама, и в её глазах Катя читала гордость.

– Мы же только школу закончили и в институт собрались поступать, – пискнула Ольга, – как же теперь? Катька, ты отличница, придумай что-нибудь!

Ошалевшими глазами она смотрела Кате в лицо, словно ожидая, что та топнет ногой или хлопнет кулаком по столу и закончит эту проклятую войну как можно скорее.

Катя стяхнула с себя мягкие руки подруги и подбоченилась:

– Подумаешь, война! Мало ли на нас враги лезли – вспомни историю! – Вздёрнув к небу кулак, она погрозила невидимому врагу: – Но пасаран! Будем стоять насмерть!

Она с удовольствием услышала, как огненный лозунг подхватили парни, многогласно прокатывая словечко, подаренное воюющей Испанией:

– Но пасаран! Но пасаран! Враг не пройдёт! Победа будет за нами!

* * *

Фронт приближался к Ленинграду стремительно. Четвёртого июля немцы захватили Ригу, пятого взяли Остров, а девятого июля советские войска оставили Псков.

«Окопы, траншеи, рвы – интересно, сколько километров мы их вырыли за три недели вдоль реки Луги?» – прикинула Катя, утирая пот подолом юбки. По низу юбка истрепалась лохмотьями. Катя перекусила зубами свисающую нитку и подумала, что другой одежды всё равно нет и не предвидится. С момента мобилизации на окопы она ни разу не раздевалась, потому что все окопники спали вповалку прямо в чистом поле. Вместо обеда раз в день выдавали сухой паёк, состоявший из полбуханки хлеба, двух варёных яиц и банки рыбных консер-

вов. Постоянная жажда и июльская жара мучили, изматывали, делали тело вялым. Подкашивались колени, бессильно опускались ставшие тряпичными руки.

Искупаться бы. Упасть на свежую траву в глубокой тени и врати всем телом во влажную землю. Но соседняя рошица смята гусеницами танков, а поперёк ручья вонючей кучей лежит раздувшийся труп лошади.

На открытом пространстве солнце палило немилосердно. Темнеющий вдалеке лес манил прохладой, но сил дойти до него, чтобы передохнуть в тени, не оставалось.

«Враг не пройдёт», – рефреном крутилась в голове мысль, подчиняясь ритму однообразных движений – наклониться, поддеть, отбросить в сторону.

Когда в груди всё стало спекаться от жары, Катя оперлась на лопату и искала глазами бочку с водой. Кругом, сколько видит глаз, колыхалось море людских голов и спин. Женщины, подростки, дети, старики. Тысячи и тысячи людей строили здесь оборонительные рубежи. Рабочую силу привозили сюда грузовиками из Ленинграда и области. Выдавали лопаты, и люди вставали в строй без суеты и жалоб на плохое здоровье или немощь.

По твёрдости ссохшаяся земля не уступала камню, и Катя уже успела сломать один черенок лопаты. В воздухе стояло марево красноватой пыли, которая забиралась в ноздри и хрустела на зубах. Катя вздохнула: попить, перевести дух и снова копать, стараясь не обращать внимания на ободранные в кровь ладони и гул самолётов над головой.

Сегодня их бомбили уже дважды. Говорят, убило пять или шесть человек. Убитых оттащили в сторону и положили в тени лохматой сосны. Хоронить времени не оставалось, все понимали, что работа не должна останавливаться, слишком велика оказывалась цена промедления.

Воду на окопы привозили в молочной цистерне с краником. С жадностью допивая из жестяной кружки, Катя вообразила, что вода пахнет парным молоком. Последние капли она вылила себе на лицо.

Донимала жара, и до крови кусали слепни. Но ей ничего, она молодая, а вот мама...

Держа кирку двумя руками, мама выворачивала слежавшийся пласт целины, заросший пожухлой травой. Несмотря на жару, её лицо было очень бледным, почти меловым, с тёмными кругами под глазами. У Кати сжалось сердце. Весной мама тяжело болела, и её до сих пор донимала одышка. Порой она закатывалась надсадным, хриплым кашлем, от которого в груди словно булькало кипящее варево. Болезнь оказалась настолько прилипчивой, что маме – учительнице литературы – пришлось пропустить третью четверть. По её понятиям это считалось совершенно недопустимым.

– Учитель, как солдат, всегда должен стоять в карауле, – однажды сказала она Кате, – и если ты выберешь профессию учителя, то должна помнить, что на первом месте у учителя всегда его ученики, а на последнем – он сам.

Почувствовав на себе Катин взгляд, мама подняла голову и улыбнулась, давая понять, что у неё всё в порядке. Мама не любила показывать свою слабость, и на Катиной памяти плакала только один раз много лет назад, когда держала в руках какую-то посылку.

Когда Катя подошла к окопу, раздался нарастающий гул самолётов, а потом защёлкали горошины выстрелов. Немецкий лётчик в широких чёрных очках опустил самолёт так низко, что стало видно его лицо с распахнутым ртом. Наверное, он кричал что-то весёлое или пел песню.

– Мама!

– Катя!

Они одновременно бросились друг к другу, скатившись в только что вырытый ров. Из-за усталости страх не ощущался, а обстрел воспринимался как временная передышка. Справа и слева лежали женщины и дети. Чей-то тяжёлый ботинок ударил Катю в лицо и рассёк скулу. Самолёт барражировал над окопом, утюжа пространство тёмным железным брюхом. Где-то в дальнем конце траншеи пронзительно крикнула женщина.

Размазывая кровь по щеке, Катя стала выкарабкиваться из-под груды тел. Казалось бессмысленным лежать и ждать, когда тебя застрелят. Хоть стой, хоть лежи – ты всё равно цель.

– В неподвижную мишень попасть проще, а если мы будем копать, то хоть на одну лопату, но придвинем победу.

– И то правда, – ответила мама и первая встала во весь рост, – всё в воле Божией.

– В Божией, так в Божией. – Катя не стала спорить, хотя не верила, что Божию волю может творить весёлый убийца на чёрном самолёте, похожем на летающий гроб.

Вслед за ними поднялась худая женщина со впалыми глазами и жилистыми руками. Не разговаривая, она вонзила лопату в землю так яростно, словно хотела перерубить напополам земной шар. Глядя на работающих, люди поднимались один за другим. Через мгновение окоп снова наполнился звоном металла и рёвом машин, подвозивших бетонные надолбы. Теперь на обстрел никто не обращал внимания. Падающих поднимали, оттащивали в сторону и снова начинали выворачивать тяжёлый грунт пополам с камнями.

Когда самолёт отвернул в сторону, мама с Катей взялись за носилки со скользкими ручками.

Мама вдруг сказала:

– Послушай, Катя, если меня убьют, то ты должна...

Страшная мысль о маминой смерти холодком проскользнула в горло:

– Как убьют?! Мама, что ты такое говоришь? Тебя не могу убить! – От собственного крика у Кати заложило уши.

Мама повысила голос, сказав с ровной учительской интонацией:

– Если меня убьют, то ты должна пробираться в Ленинград к моей сестре.

От удивления Катя едва не выпустила из рук носилки:

– Мама, у тебя что, есть сестра? Я думала, что у нас нет родственников! Почему ты мне раньше ничего не говорила?

Она через плечо оглянулась на маму, поразившись её отрешённому взгляду, направленному сквозь пространство.

– Тебе не надо было про неё знать, – сказала мама после паузы, перемежая слова свистящим дыханием. – В последний раз мы с Людой виделись до твоего рождения.

На миг Катя даже забыла, что они с мамой стоят посреди поля, стигаясь под тяжестью самодельных носилок. На языке крутились вопросы, которыми в другое время она засыпала бы маму с головы до ног. Её давно мучило, что она ничего не знает про отца и дедушек-бабушек, а оказывается, у мамы есть ещё и сестра. Настоящая, родная сестра!

Новая пулёмётная очередь заставила их отпрянуть в сторону. Одна из пуль, взметнув сухой фонтанчик, ударила в песок на носилках.

Теперь мамин голос не прерывался и не хрипел, внезапно обретя силу и звучность:

– Запомни, у нас дома в саквояже лежит посылка от моей сестры. Там есть обратный адрес. Разуещь по нему Людмилу и вернёшь ей посылку. Скажешь, мне от неё ничего не надо, но тебя пусть приютит, хотя бы на время, пока не найдёшь другое жильё.

Катя упрямо вздёрнула подбородок:

– Мама, как только мне исполнится восемнадцать, я пойду на фронт!

– Не видишь – здесь тоже фронт, только вместо винтовки у нас лопаты. – Мама как-то неловко наклонила голову набок и мягко отпустила носилки, уткнувшись лицом в песок.

– Мама! Мамочка! Мамуля!

Своем Катя ползала на коленях вокруг носилок, пытаясь заглянуть маме в глаза, которые были ещё яркие и влажные, но уже ничего не видели.

Потом, окаменев до боли в мышцах, Катя оттащила мамино тело к другим павшим. Под раскидистым кустом ивы с утра скопилось много тел, залитых кровью. Пожилой мужчина в

гимнастёрке вытянулся во весь рост, а худенький мальчик с аккуратной русой чёлочкой будто спал, свернувшись калачиком.

Мозг отказывался воспринимать действительность, и Катя неосознанно старалась устроить маму поудобнее, подсовывая ей под голову подушечку из мха и укрывая ноги еловым лапником. Неужели мама ушла навсегда? Вот так просто – слетела с ладони, как летняя бабочка? В память врезались лес, синее небо и перевёрнутые носилки с рассыпанным по траве песком.

– Мамочка, прости, – единственное, что сумела сказать Катя, перед тем как снова идти копать траншею.

* * *

Уже 23 июня командующим Ленинградским военным округом генерал-лейтенантом М. М. Поповым было отдано распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на Псковском направлении в районе Луги. 25 июня военный совет Северного фронта утвердил схему обороны южных подступов к Ленинграду и обязал начать строительство. Строилось три оборонительных рубежа: один – вдоль реки Луга, затем до Шимска; второй – Петергоф – Красногвардейск – Колпино; третий – от Автово до Рыбацкого.

Около ста тысяч человек рыли противотанковые рвы.

Построили четыре линии оборонительных сооружений: первую – южнее Луги, километров за пятнадцать-двадцать. Вторую – перед самой Лугой, в полутора километрах, третью – в Толмачеве, четвёртую – в деревне Долговка. Протяжённость по фронту главной оборонительной полосы – 276 километров¹.

* * *

Спустя пару недель Катя шла в толпе беженцев по направлению к Ленинграду.

Она успела забежать домой всего на пару часов. Торопливо сменила изорванную юбку на спортивные шаровары с полосатой футболкой, схватила жакет и саквояж. Вот и всё. На пороге Катя обвела глазами родные стены и низко поклонилась, как над могилой.

Оторвавшаяся подошва от стоптанных парусиновых туфель шлёпала по земле и черпала носком песок. Чтобы его высыпать, приходилось часто останавливаться. Когда саквояж с посылкой окончательно оттянул руку, Катя привязала к кожаной ручке пояса от плаща и перекинула ношу через плечо. До Ленинграда путь неблизкий. С каждым километром идти становится всё тяжелее. По обочинам дороги стояли обгорелые дома. Дикими голосами ревели испуганные коровы, ржали лошади и стоял людской гомон, перекрывающий гул машин и отдалённые раскаты взрывов. Вся эта какофония звуков соединялась в один оркестр, страшный в своей безысходности.

Рядом с Катей, плечо в плечо, сопела подружка Ольга, тащившая на закорках увесистый мешок с тёплой одеждой. Голову она повязала пёстрой шёлковой косынкой, которая так выгодно подчеркнула её броскую, цыганскую красоту, что на Ольгу заглядывались даже самые измученные беженцы.

Ольга намеревалась идти до Красногвардейска, который жители упрямо продолжали называть Гатчиной, а там перезимовать у родни отца.

¹ Ковальчук В.М. Ленинград и Большая земля. Л.: Наука, 1975.

– За зиму Сталин фашиста разобьёт, тогда и увидимся, – жалобно сказала Ольга около развилки на Гатчину. С отчаянием утопающего она вцепилась в Катин жакет и тянула её за собой. В Ольгиных глазах Катя читала неприкрытый страх. Как оставить её одну, такую непутёху?

– Может, ты лучше со мной в Ленинград пойдёшь? А оттуда напишем твоим в Гатчину. Но в ответ Ольга мелко затрясла головой:

– Что ты, Катя! В Гатчине я каждую улочку знаю, да и родня прокормит, а в Ленинграде нам с тобой и голову приклонить негде. Смотри, сколько народу туда идёт. Туча!

Ольга дождалась, когда с ними поравняется встречная воинская колонна, и повернула следом, махнув рукой на прощание:

– Бывай, подруга, не поминай лихом!

Катя вскинула поднятый над головой кулак.

– Бывай, Ольгуня! Не попади под бомбёжку! И, главное, не бойся! Помни: но пасаран!

Кинув вслед Ольге прощальный взгляд, она влилась в толпу беженцев, направлявшихся в Ленинград в поисках защиты и помощи.

Общий поток двигался медленно, до краёв заполняя собой широкую дорогу, изборождённую воронками от взрывов. В отдалении, за колхозными полями, ярко и страшно пылал лес.

Чередой тянулись гружёные подводы, их огибали грузовики, которые вынужденно подчинялись общему ритму и поэтому ехали на низкой скорости, с остановками. Группа усталых пастухов в резиновых сапогах гнала вперёд стадо коров. Шли женщины с детьми, старики, старухи, подростки. Те, кто возвращался с оборонных работ, шагали налегке, а остальные волокли на себе домашний скарб в виде мешков, коробок и даже кастрюлек. Девчонка лет десяти ухитрилась приспособить себе на голову эмалированный таз, делавший её похожей на чудовищную синюю поганку на двух тонких ножках.

– Поберегись! – расчищая дорогу скоту, щёлкали кнутами пастухи.

Катя шарахнулась в сторону.

Совсем не таким прежде представлялся ей путь в Ленинград. В людской круговерти она чувствовала себя маленькой и потерянной. Это никуда не годилось.

– Не смей раскисать, Ясина! – строго приказал она сама себе и сама себе ответила: – Слушаюсь, товарищ командир!

Бодрость духа давалась с усилием. Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, Катя стала думать о посылке, надёжно упрятанной в саквояж, и о том, как ей называть новоявленную тётю – тётя Люда или Людмила Степановна? Фамилия у тёти была такая же, как у них с мамой – Ясина, из чего Катя сделала вывод, что тётя не замужем, хотя мама носила девичью фамилию, а про папу говорила, что он умер от тифа.

Заколоченная гвоздями посылка с тётиним адресом представляла собой небольшой, но тяжёлый – килограмма на три – деревянный ящичек, жирно подписанный химическим карандашом.

Интересно, что в нём лежит?

Отойдя к обочине, Катя повязала платок и перебросила саквояж на другое плечо, скользнув ладонью по разогретому солнцем шагреневому боку. Саквояж был малинового цвета с никелированным ободком, явно иностранного происхождения.

В детстве она назвала мамин саквояж волшебным сундучком, смутно догадываясь, что он прибыл в деревню Новинка из какой-то другой, совсем недеревенской жизни. Заглядывать в саквояж ей не позволялось. Мама запирала маленький замочек на ключ, который хранился в ящичке письменного стола. Катя много раз выпрашивала у мамы о содержимом волшебного сундучка, но мама неизменно отвечала, что там лежат старые документы, которые давно вышли из употребления. На деле оказалось, что кожаное нутро, выстланное чёрным шёлком, хранит всего две вещи – посылку и фото.

«Папа!» – сразу угадала Катя, едва взглянув на маленькую карточку молодого мужчины в шляпе.

Строгое выражение лица с широко распахнутыми глазами показалось до боли знакомым. Эти глаза она каждый день видела в зеркале, огорчаясь, что они не похожи на мамины, с прелестным миндалевидным разрезом и пушистыми ресницами. Чтобы удостовериться в идентичности, она положила рядом с папиным фото свою фотографию и сравнила: точно, папа. Хотя, может статься, дядя. Раз оказалось, что у мамы есть сестра, то почему бы не быть и брату?

Она так задумалась, что не сразу обратила внимание, как люди с дороги приснули к обочине и стали разбегаться по кустам.

– Воздух! Воздух! Ложись! – приставив руки ко рту рупором, закричал в толпу водитель одного из грузовиков. Взмахом руки он показывал, что надо лечь, но Катя осталась стоять на месте, как замороженная глядя на приближающиеся самолёты.

Пять, шесть, десять тёмных обтекаемых машин летели уверенно, не торопясь, словно утверждая своё превосходство над синим небом со стоячими белыми облаками. Ненависть захлестнула её с головы до пят.

Бессознательным движением Катя напрягла мышцы и вдруг увидела, как из дальнего облака выскочил маленький юркий самолётик, за ним другой.

– Наши, наши летят!

Люди на дороге замерли, напряжённо глядя, как два отчаянных пилота смело ринулась на сближение с вражеской армадой. Катя перестала дышать.

Самолёты шли навстречу друг другу, покачиваясь с крыла на крыло.

– Улетайте – вас собьют! – закричала она ястребкам, не осознавая, что те её не слышат.

Когда расстояние между машинами стало критическим, из каждого самолёта почти одновременно грянули пулемётные очереди. Самолёты то поднимались вверх, то камнем падали вниз, пересекаясь и расходясь по сторонам. По небу усами мотались огненные нити трассирующих выстрелов.

Было видно, что вражеские лётчики растерялись. Один немецкий самолёт, круто развернувшись, ушёл в сторону леса, и из его брюха дождём посыпались бомбы, предназначенные Ленинграду. Вереница взрывов волной прокатилась над верхушками сосен.

– Держитесь! Мы с вами! – срывая голос, орала нашим самолётам Катя. – Бейте врага!

Люди рядом с ней кричали и размахивали руками.

Немецкие самолёты стали перестраиваться, а наши им не давали, стреляя безостановочно. Под напором неожиданной атаки к лесу полетел ещё один фашист. Не долетев, завалился набок, и из него повалил густой чёрный дым.

Натужно гудя, фашистские самолёты рванули вверх и быстро скрылись из виду.

Катя вытянулась в струнку:

– Ура, победа!

От гордости за наших лётчиков она едва не расплакалась.

Гнавшая коров колхозница перекрестилась:

– Господи, благослови наше воинство.

До Ленинграда Катя добралась к полуночи. Нашла первую попавшуюся скамейку в зелёном скверике, подложила под голову саквояж и заснула мертвецким сном.

* * *

Одним из истребителей нового поколения, принятых на вооружение СССР перед самой войной, являлся ЛаГГ-3. (Самолёт назван по фамилиям

руководителя проекта Горбунова В.П. и его ближайших сотрудников: Лавочкина С.А. и Гудкова М.И. – ЛаГГ).

К числу его главных достоинств относилось минимальное использование в конструкции самолёта дефицитных материалов: ЛаГГ-3 в основном состоял из сосны и дельта-древесины (фанеры, пропитанной смолой).

Советский штурмовик Ил-2 (конструктор С.В.Ильюшин) стал самым массовым боевым самолётом в истории.

Он принимал участие в боях на всех театрах военных действий Великой Отечественной войны. Конструкторы называли разработанный ими самолёт «летающим танком», а немецкие пилоты за живучесть прозвали его *Betonflugzeug* – «бетонный самолёт».

Ил-16 является первым в мире серийным *высокоскоростным низкопланом с убирающимся шасси*.

К началу Великой Отечественной войны самолёт устарел, однако именно он составлял основу истребительной авиации СССР. Советские лётчики называли его «ишак», испанские – «моска» (муха), а немецкие – «рата» (крыса)².

* * *

Спящую Катю встряхнуло с такой силой, что голова с размаху стукнулась о скамейку.

Бомбят? Напружинившись всем телом, она вскочила и увидела, что по тропинке между деревьями удирает невысокий парень с её саквояжем. Она успела рассмотреть коричневую вельветовую куртку, серые школьные брюки и стриженный затылок с чёрными волосами.

Он бежал быстро, но неумело, вихляя спиной из стороны в сторону.

– Ах, ты гад! Отдай сейчас же! Всё равно догоню!

Катя рванулась вдогонку с такой скоростью, как если бы сдавала нормы ГТО по бегу.

В школе она завоевала высокую – третью ступень и очень гордилась тем, что пришла к финишу первой.

– Стой!

Не сбавляя темпа, парень обернулся, расширяя рот в ехидной ухмылке.

– Ты ещё улыбаешься!

Злость придала Кате сил. Разъярённой кошкой прыгнула на спину вора, зажав в кулак его воротник. От сильного толчка парень упал. Сцепившись, они покатались клубком по земле. У парня были крепкие руки, и это Катя сразу почувствовала. Но она превосходила его в гибкости и ловкости, а кроме того, на её стороне была правда, а значит, победа.

Извернувшись, Катя оседлала противника и двумя руками подняла над головой саквояж, чтобы с размаху обрушить его вниз. Глаза парня испуганно зажмурились. Он обречённо вжал голову в плечи, готовясь принять удар, но Катя вдруг поняла, что не может бить лежачего.

Медленно встав на ноги, она с презрением бросила:

– Ворюга!

Парень, распластавшийся на земле, вызывал у неё отвращение. На рытве окопов, под пулями и бомбёжками, работали и погибали слабые, больные, старые. А он, молодой и здоровый, в это время вырывал у людей сумки из рук.

Отойдя на пару шагов, она оглянулась:

² Боевая авиация времён Великой Отечественной войны. РИА Новости, 21.10.2014.

– Ты враг. Вместо того, чтобы воевать, ты помогаешь фашистам. У меня маму убили, когда она копала траншеи, чтобы защитить Ленинград. Тебя, паразита, защитить.

Если бы Катин взгляд мог испепелять, то от парня осталась бы горстка пепла.

Он сел и вытер рот рукавом:

– Дура! Никого не надо защищать, потому что немцы всё равно скоро захватят город. Ты что, совсем того? – Он покрутил пальцам у виска. – Не видишь, как Красная армия драпает?

Кровь бросилась Кате в лицо, и она закричала:

– Я думала – ты враг, а ты хуже! Ты – предатель! Я тебя бить не стала, а тебя надо не бить, а расстрелять, как паникёра и труса!

Она захлебнулась от клокочущей ярости. Глаза парня смотрели на неё с вызовом, как будто ожидая, что она снова бросится на него.

Несколько секунд Катя молча разглядывала его лицо, пока он не опустил голову, а потом с презрением бросила:

– Руки об тебя марать противно! Не знала, что бывают такие ленинградцы.

Прошагав военными дорогами чуть не сотню километров, Катя ожидала застать полностью разорённый город. Но, несмотря на заколоченные витрины магазинов и оклеенные бумагой окна, широкая улица, по которой она ступала, поражала своей чистотой и величием. Слышался звон лопат. В парках и скверах копали щели, чтобы прятаться от взрывной волны. Щели представляли из себя траншею с крышкой, наподобие погреба. На фасадах домов виднелась свежая кирпичная кладка. Оконные проёмы были превращены в пулемётные амбразуры.

«На случай уличных боёв», – поняла Катя.

Поперёк улиц баррикады из мешков с песком и противотанковых ежей. Катя вспомнила, как в окопах об один такой ёж она больно разбила коленку.

И плакаты, плакаты, плакаты. Они расклеены всюду, где только возможно. Плакаты кричали, призывали, требовали.

У доски с объявлениями она остановилась и прочитала приказ для населения, что все личные радиоприёмники, фотоаппараты и велосипеды подлежат немедленной сдаче, чтобы исключить пособничество врагу. Ну, фотографические аппараты и радиоприёмники понятно, а велосипеды зачем? Наверно, чтобы не дать возможности шпионам быстро передвигаться по городу.

Погромыхая на стыках, ходили трамваи, открывались двери магазинов, на углу у парка с лотка торговали фруктовым мороженым. Остановившись, Катя купила себе стаканчик. Мороженое она пробовала раз в жизни, когда мама возила её в Ленинград на зимние каникулы. Но тогда они были в городе всего один день – утром приехали, а вечером уехали.

Оказывается, она здорово изголодалась, потому что проглотила мороженое едва не целиком. На языке остался сладковатый привкус, от которого захотелось пить.

Катя отошла в сторонку и распахнула саквояж, чтобы ещё раз прочитать адрес тёти Люды Ясиной. Сразу набегали мысли о маме. Низко опустив голову, Катя смахнула слезинку согнутым пальцем.

О том, как добраться на проспект Огородникова, никто из прохожих не знал, а толстая дама в белой шляпке сказала, что, по её мнению, такой улицы в городе вообще нет.

– Как же нет, гражданка? – На Катину счастье в разговор вмешался старичок с острой бородкой. – Этак вы девушку совсем запутаете. Поглядите, она сейчас заплачет. – Старичок записнул в авоську газету, которую держал в руке, и повернулся к Кате. – Проспект Огородникова, барышня, прежде назывался Рижским. Он недалеко отсюда. Вам надо дойти вон до того угла и сесть на трамвай. Кондуктор укажет, когда выходить.

В трамвае Катя ехала, крепко обхватив саквояж двумя руками, и представляла себе, как звонит в дверь, а ей открывает женщина, в точности похожая на маму. На душе стало тревожно.

Брякнуть сразу с бухты-барахты: «Здравствуйте, я ваша племянница!» – или зайти издалека, рассказать про маму...

Катина губа снова задрожала, и она упрямо мотнула головой: как будет, так и будет.

Нужный номер дома оказался прямо напротив трамвайной остановки. Не чувствуя под собой ног, она взлетела на последний этаж и, прежде чем нажать кнопку звонка, несколько секунд постояла, чтобы набраться смелости.

Но вместо тёти Люды на Катин звонок вышел пожилой мужчина. Хотя время давно перевалило за полдень, мужчина был одет в мятую пижаму с засаленными отворотами и клетчатые домашние тапочки. Глаза его сонно моргали, а на одутловатых щеках топорщилась седая щетина.

– Вам кого? – Его взгляд пробежал по лицу Кати, остановился на саквояже в руках и сделался неподвижным, как будто застыл на морозе.

– Мне Людмилу Степановну Ясину.

Челюсть мужчины дёрнулась вперёд. Он поспешно вышел на лестницу, прикрывая спиной дверь.

– Здесь такая не проживает, – указательным пальцем он шлёпнул по привинченной к косяку табличке с гравировкой, – видите, здесь написано, что я Гришин. Михаил Михайлович Гришин. И никаких Ясиных здесь не было и нет.

– Папа, кто там? – раздался из-за двери девичий голос.

– Это не к тебе, Лерочка. Ошиблись адресом. – Он перевёл на Катю взгляд, показавшейся ей испуганным. – Идите своей дорогой, девушка, не тревожьте нас.

* * *

Когда по радио начали транслировать речь Молотова об объявлении войны, Михаил Михайлович Гришин пил ситро с клубничным сиропом.

Он стоял на перекрёстке улиц у проспекта 25 октября, который по старой памяти именовал Невским, и смотрел, как останавливается транспорт и меняются лица людей, застывая в каменном молчании.

Война? Неужели война?

Зубы мелко стучали о стакан, выбивая дробь. Забывшись, Михаил Михайлович опустил руку. Кровавым следом клубничное ситро вылилось на белые парусиновые брюки, и от сочетания красного на белом на душе стало совсем мутно.

– Может, ещё водички? – со слезами в голосе спросила молоденькая киоскёрша. Она постоянно шмыгала носом и бормотала: – Война, война, как страшно.

– Нет, спасибо.

Гришин аккуратно поставил стакан на тарелку и повернул в направлении дома. Хотя ему только недавно исполнилось шестьдесят лет, сейчас он почувствовал себя разбитым стариком с трясущимися ногами и седой головой. Седины в волосах действительно хватало, но это не мешало мозгам быстро и точно думать, перебирая варианты действий.

Из будней суровой жизни Михаил Михайлович усвоил твёрдое правило: если сам о себе не позаботишься – никто не позаботится. А в СССР ещё и в тюрьму посадят, если начнёшь рыпаться и требовать.

Перво-наперво надо отправить домработницу в магазин и наказать купить побольше продовольствия. Пусть затоваривается под завязку, сколько сможет поднять.

Потом надо поговорить с дочкой Лерой, чтоб сидела дома и не высывалась, куда не станет ясна обстановка.

Представив, что предстоит сделать ему самому, Михаил Михайлович положил руку на сердце и прислонился спиной к стене, пережидая приступ аритмии.

Белоголовая девочка с пионерским галстуком остановилась рядом:

– Дедушка, вам плохо?

Мимо них тѣк поток людей. Сурово сжав губы, они хранили на лицах одинаковое выражение озабоченности и непримиримости. Наверное, мысленно они уже надели шинели и взяли в руки винтовки.

Вяло подумалось, что, наверное, только русские встречают войну с таким ледяным спокойствием.

Он перевёл взгляд на девчушку, назвавшую его дедушкой.

– Беги, милая. Всё хорошо, я уже дома.

В большой доходный дом на проспекте Огородникова семья Гришиных вселилась в двадцать седьмом, когда Лере исполнилось четыре года. Квартиры там были в основном коммунальные, но на момент заселения Гришин работал главным бухгалтером Рыбтреста и поэтому сумел урвать отдельные хоромы, хотя и на пятом этаже.

Поднимаясь, Михаил Михайлович обычно пару минут отдыхал между этажами, но сегодня он упорно карабкался вверх, одержимый единственным желанием – успеть.

Уже открывая дверь, он столкнулся с домработницей Нюсей, которая обеими руками обнимала огромную кошёлку. Она выглядела старше своих сорока лет и была некрасива щекастым лицом с толстым носом и вялыми губами цвета картофельной шелухи.

– Михал Михалыч, слышали? Война. Я побежала в гастроном, а потом в керосиновую лавку, да ещё надо бы купить соли и ниток. Отоварюсь на свои, потом рассчитаемся.

Нюся всегда стрекотала очень быстро и неразборчиво, но сегодня её речь взяла рекорд скорости, поэтому Гришин с трудом уловил, о чём она толкует, а поняв, удовлетворённо вздохнул. Повезло им с Нюсей – цепкая она баба и ушлая. Он только подумать успел, а она уже побежала выполнять.

За плечом Нюси Михаил Михайлович увидел широко распахнутые глаза дочери:

– Папа, война! Я иду в институт.

– В какой институт! Ведь воскресенье! – едва не завыл Михаил Михайлович. – Сиди дома! Я требую! Наконец, приказываю!

– Папа, я медик.

– Какой медик? Ты третьекурсница! Ребёнок! – Чувствуя, что его увещевания падают в пустоту, Михаил Михайлович поймал руку дочери и стиснул в ладонях. – Лера послушай меня, старика. Хоть раз послушай. Самое лучшее сейчас – сидеть дома и переждать. Авось пронесёт. Подумай сама – ну, прибежишь ты в институт: нате вам, мол, Калерию Гришину собственной персоной. А тебя и закатают санитаркой в добровольцы под горячую руку. И пойдёшь ты под пули, необученная, глупая, с голыми руками. И сгинешь ни за грош. А чуть попозже всё утрясётся. Умные люди составят списки, подумают, кого куда распределить, не торопясь, полюбовно, учитывая семейные обстоятельства. И волки будут сыты, и овцы целы. Армия пусть воюет. Что мы, зазря разве налоги платим?

Наклонив голову, Лера слушала не перебивая, и Михаил Михайлович воспрянул духом: его увещевания дошли до цели. Но когда он потянулся к Лере поцеловать её в лоб, она опустила глаза и мягко высвободилась:

– Хорошо, папа. Я просто пойду погуляю. Не сидеть же дома с перепугу под кроватью.

Хотя он уловил в её словах укоризну, от сердца отлегло. Лера всегда была очень послушной девочкой. А про испуг она зря сказала. К трусам Михаил Михайлович себя не причислял. Он давно перестал пугаться, с тех самых пор, когда в тридцать седьмом ему переломали пальцы, требуя рассказать, куда ювелир дядя Гоша спрятал ценности. Тогда он смог прикинуться дурачком, благо дядя Гоша к тому времени уже лет пять имел прописку на городском кладбище. Но сейчас настал чёрный день, и дядя Гоша из своей могилы сможет крепко помочь семье племяша Миши.

В день, когда в квартиру к Гришиным позвонила Катя, Михаил Михайлович только что вернулся из поездки в Боровичи. Подкупая проводников и переплачивая за билеты, он добрался до бывшего дома брата на улице Ленина и затаился в кустах.

Выждав до глубокой ночи, Михаил Михайлович пошёл в сарай и отыскал там заступ. Свет луны озарял тёмные окна бывшего дяди-Гошиного дома. За десять прошедших лет дом изрядно обветшал без хозяйского глаза. Дверь на веранду висела на одной петле, надсадно скрипя от каждого порыва ветра. Вымощенный булыжником двор густо порос травой, на скамейке у пруда сидела толстая жаба и чутко наблюдала за происходящим. Для довершения картины фантазмагии не хватало только чёрного кота и ведьмы на помеле.

Не обращая внимания на жабу, Михаил Михайлович шмыгнул в огород за старую баню и отсчитал десять шагов от левого угла. Условленное место указали два кирпича, положенные буквой «т».

Сразу же вспотев, Михаил Михайлович вонзил в землю лопату. Под руки толкал ужас, что дяди-Гошиного наследства может не оказаться на месте. Когда лезвие лопаты стукнуло о железо, Михаил Михайлович испытал облегчение, едва не окончившееся катастрофой с порчей брюк. В висках застучало. Михаил Михайлович рухнул на землю и дальше рыл руками, как собака. Если бы он мог, то рыл бы и носом... Оцинкованное ведро, полное женских золотых часиков, было на месте.

Загребая часы жменями, Михаил Михайлович перегрузил наследство в заплечный мешок и только на подъезде к Ленинграду снова почувствовал себя уверенно.

* * *

«Значит Гришин. И никаких Ясиных здесь нет», – повторила про себя Катя, стоя перед закрытой дверью, обитой чёрным дерматином.

Всё логично. Дата на посылочном штемпеле поставлена шестнадцать лет назад. За это время лично она, Катя, успела вырасти и окончить школу, и тётке тоже никто не мешал переменить свою судьбу и уехать, например, стоять ДнепроГЭС или помогать Испании бороться с фашизмом.

По полутёмной прохладной лестнице Катя спустилась во двор и осмотрелась по сторонам.

Небольшой квадрат двора со всех сторон окружали серые стены с маленькими окнами. Интересно устроено в Ленинграде: большие окна выходят на улицу, а маленькие – во двор. И входных дверей тоже две – одна широкая, красивая с улицы на парадную лестницу, вторая – на чёрный ход, с внутренней стороны дома.

Около надписи «Бомбоубежище» горела синяя лампочка – для светомаскировки.

Здесь, как и везде по городу, подвальные окна пестрели свежими кирпичными заплатами, напоминавшими о войне.

«Город-крепость» – само собой сложилось сравнение.

В тишине двора не слышался гул большого города и время будто остановилось. Присев на гранитный столбик у ворот, Катя подумала, что отдала бы всё на свете, чтобы повернуть время вспять и хоть немножко побыть ещё с мамой. Она рассказала бы маме, что никакой тёти Люды здесь нет и что дальше делать, она не знает. Мама наверняка знала бы, как поступить правильно.

В памяти всплывали мелкие ссоры и случайные слова, которые она с обидой говорила маме. Как же за них сейчас непоправимо стыдно! Мама казалась вечной, как вода и хлеб.

Сморгнув набежавшие слёзы, Катя решила пойти в столовую перекусить, потому что живот начинал урчать от голода, и обдумать создавшееся положение. Столовая располагалась на противоположной стороне улицы. У буфетной стойки толпились люди. Большинство из них

держали в руках судки и бидоны, куда неразговорчивая раздатчица плескала жидкого супа, больше похожего на мутную водицу.

Есть захотелось до боли в желудке. Сглатывая слюни, Катя дождалась своей очереди.

– Тебе по карточкам или без? – спросила румяная буфетчица с крахмальной наколкой на волосах. Держа в руках ножницы, она ловко выстригала с бумажного листа кусочки размером с почтовую марку и наклеивала их в тетрадку.

– Какие карточки? – растерялась Катя.

– Продовольственные. Ты не местная, что ли? – Буфетчица нетерпеливо моргнула. – Мясо и масло по карточкам, а без карточек вот, смотри – капустные щи, макароны и компот. Есть фруктовое мороженое.

– Мороженое я уже ела.

Разваренные макароны, щи и стакан компота показались восхитительным пиром. Катя вспомнила, что нормального обеда у неё не было с конца июня. Сухие пайки на оборонных работах не считаются, а домой в Новинку она забежала всего на часок, чтобы переодеться, взять саквояж, деньги и документы.

Прежде чем наколоть макароны на вилку, Катя поставила саквояж на колени и притиснулась к столу. Вряд ли здесь покусаятся на её имущество, но бережёного Бог бережёт.

Тепло и сытость обволакивали тело домашним покоем. Хотелось спать, а не думать, куда пойти дальше, поэтому мысли текли вялые и туманные. Чтобы не заклевать носом в тарелку, Катя вслушалась в равномерный гул голосов. В столовой говорили об эвакуации, скором введении комендантского часа и о том, что приближается первое сентября и надо собирать детей в школу. А как их собирать, если многие школы уже эвакуировались, а в других нет учителей – мужчины ушли на фронт, а женщины мобилизованы на окопные работы.

Сквозь смыкающиеся веки Катя смотрела на сосредоточенные лица людей, вспоминала рытвё окопов и думала, что нельзя победить народ, который под пулями и бомбёжками ведёт себя так спокойно и уверенно.

Допивая компот, она решила, что сначала съездит в педагогический институт, куда хотела поступать после школы. Вдруг из-за войны приём абитуриентов продлили и ей выделят койку в общежитии?

В пединституте усталая женщина из секретариата сказала, что приём давно закончен и, кроме того, институт готовится к эвакуации. Отвечая, секретарь одной рукой держала телефонную трубку, а другой дирижировала тремя студентами, которые выносили из канцелярии какие-то ящики. Коротко подстриженная девушка, паковавшая папки с документами, глянула на неё с сочувствием:

– Тебе надо обратиться в райком комсомола.

Тогда Катя пошла разыскивать райком комсомола. В конце концов, она советская девушка, комсомолка, и в райкоме должны подсказать, куда направить свои силы. Только надо твёрдо сообщить, что она готова выполнять любую работу, пусть даже самую грязную. А ещё лучше, если комсомол даст путёвку на фронт.

До райкома пришлось снова ехать на трамвае. Билет стоил три копейки. Катя побрякала в кармане мелочью и подумала, что деньги тают со стремительной скоростью.

В коридорах райкома комсомола гулял ветер, он врвался в распахнутые форточки и теребил бархатные портьеры. Хлопали двери, звонили телефоны, взад и вперёд проходили люди в шинелях. Пробежали две девушки в одинаковых белых кофточках.

У кабинета инструктора по делам молодёжи стояла длинная очередь. Катя спросила, кто крайний, но тут приоткрылась дверь и выглянул молодой человек в полувоенном френче. Мягкий стоячий воротничок серого цвета сливался с нездоровым цветом лица пепельного оттенка.

– Товарищи, я попрошу всех разойтись и прийти завтра. Сейчас я уезжаю на чрезвычайное совещание в Смольный.

Паренёк, стоящий рядом с Катей, рванулся вперёд:

– Товарищ Иванов, мне очень надо с вами переговорить. Это одна минута.

– Нет. Не могу.

Дверь захлопнулась. Люди ещё немного постояли, словно ожидая, что хозяин кабинета передумает, а потом медленно стали расходиться. Вслед за всеми Катя вышла на улицу, многолюдную, несмотря на поздний вечер.

На домах висели агитационные доски, они назывались «Окна ТАСС». С плакатов смотрела Родина-мать, а краснолицый солдат в каске указывал пальцем и сурово вопрошал: «Чем ты помог фронту?»

– Пока совсем мало помогла, – ответила плакату Катя, стыдясь собственного безделья.

Она высматривала в толпе прохожих военных и бешено завидовала их прифронтовому счастью. Пропустив вперёд свою ровесницу с противогазом на боку и красной повязкой сандружинницы на рукаве, Катя едва не заревела от обиды: умеют же люди хорошо устроиться! За время блужданий по городу несколько раз завывала сирена воздушной тревоги и в опасной зоне как из-под земли вырастали девушки-дружинницы.

Приставив к губам рупор, они громко командовали:

– Пройдите в убежище! Всем перейти на другую сторону улицы!

В первый раз Катю загнали в подъезд, где молчаливая толпа долго дожидалась отбоя воздушной тревоги. В следующий раз, чтоб не задерживаться, она старалась проشمгнуть мимо.

Незаметно, улочка за улочкой, она дошла до знакомого двора, где прежде жила тётя Люда, и уселась на гранитный столбик, давая отдых усталым ногам.

Дом словно ослеп, потому что все окна были завешаны плотной чёрной материей светомаскировки. Катя подумала, что за целый день в городе не увидела ни одного знакомого лица. Это тебе не райцентр, где непременно сумеешь встретить земляка и услышать приглашение переночевать.

Столовая, где она обедала, давно закрылась. Катя достала из саквояжа жакет и накинула на плечи. Ночь обещала стать холодной, а она, дурёха, так торопилась в Ленинград, что забыла прихватить пальто. Положив на саквояж скрещённые руки, Катя уткнулась в них лбом, сразу же почувствовав, как сверху наваливается мягкая подушка сна. Она заморгала, потому что боялась спать. Прошлой ночью ей снилась мама, которая осталась лежать у лесополосы, и слышался стрекот фашистских мотоциклов за околицей соседней деревни.

– Девки, собирайте манатки и бегите! – стукнул костылём в оконце председатель Иван Сидорович. – Скоро немец у нас будет!

Катины руки лихорадочно собирали в стопку документы: паспорт, деньги, аттестат зрелости.

В дверях, с полной амуницией, караулила подружка Оля, направленная родителями в Гатчину.

Председатель торопил:

– Слышь, Катюшка, не мешкай, я сейчас дома жечь буду.

С сильным размахом он высадил костылём стекло, лопнувшее маленьким взрывом. Мама! Катя метнулась в комнату и сорвала со стены мамину фотографию. Mamочка, милая, как же я без тебя?

...От прикосновения руки на плече она вздрогнула:

– Мама?

Около неё стоял седой старик с орлиным носом и жёсткими складками у рта:

– Пройдёмте, гражданочка, разберёмся, кто вы такая и что тут делаете.

* * *

Видное место в арсенале печатной пропаганды Ленинграда в тот период занимали также плакаты, лубки, карикатуры. Ленинградские художники Серов, Кочергин, Авилов, Любимов, Горбунов и другие возродили в «Окнах ТАСС» боевые традиции печати времен Гражданской войны. Эти выпуски получили всеобщее признание. Они вывешивались на центральных магистралях города и на предприятиях, в райкомах ВКП(б) и агитпунктах, в воинских частях и учреждениях. В «Окнах ТАСС» наряду с агитационным плакатом и стихотворным или прозаическим текстом широко использовались документальные фото, важнейшие сообщения советского Информбюро. В выпуске «Окон» принимали участие многие рабочие и служащие, приносившие в редакцию свои рисунки и стихотворные подписи³.

* * *

– Беженка, говоришь? К тётке приехала? – Управхоз Егор Андреевич протянул Кате кружку горячего чая и пододвинул сушки, за неимением вазочки сложенные в стеклянную банку. – Показывай документы, а то вдруг ты диверсантка!

Они сидели в тесной каморке домового хозяйства, обставленной с казённым аскетизмом – стол, два стула, полки на стене и узкий топчан, укрытый солдатским одеялом. На стене наклеенный на картонку портрет Сталина из журнала «Огонёк».

С благодарностью приняв нехитрое угощение, Катя вспыхнула:

– Я не диверсантка, а комсомолка. Правда к тётке приехала. К Людмиле Степановне Ясиной. Она в пятнадцатой квартире жила.

– В пятнадцатой? – Егор Андреевич сощурил глаза, припоминая. – Не знаю такой жилички. В пятнадцатой Гришины живут – сам хозяин и дочка. В прошлом году домработницу Ньюську прописали. До жути вредная баба. Чуть не каждый день с жалобами бегают. Я здесь давно живу, а про Ясину никогда не слышал. Врёшь, поди.

– Как это – врешь?! – От возмущения Катя едва не поперхнулась. С размаху поставив кружку на стол, она распахнула саквояж и вытащила посылку. – Вот, смотрите!

Егор Андреевич пошарил в кармане, водрузил на нос очки и прочитал обратный адрес.

– Да, загадка. А может, ошибка. Знаешь, как бывает? Попросила почтальоншу посылку отправить, а та случайно другой адрес написала.

А иной раз человек нарочно другой адрес пишет, чтобы его не отыскали.

Подумав, что в словах управхоза есть резон, Катя вздохнула:

– Похоже, вы правы.

Она оглянулась на звук открывшейся двери, в которую заглянули две старушки, одна в шляпке, другая в очках:

– Егор Андреевич, мы заступаем на дежурство. Будут указания?

– Какие тут указания? Сами всё знаете: при налёте организовать укрытие населения в бомбоубежище, послать наряд на крышу тушить зажигалки, наблюдать за посторонними.

Старушка в шляпке глубоко вздохнула, а старушка в очках сказала:

– Слушаемся, товарищ управхоз.

³ Шапошникова А.П. Летопись мужества. (Печать Ленинграда в дни войны). М.: Мысль, 1978.

Когда старушки ушли, в конторке ненадолго повисло молчание, разбитое хрустом сушки в пальцах Егора Андреевича. Он сунул обломок в чай, дождался, пока спёкшееся тесто наберёт воду, и поддел его чайной ложкой:

– Что дальше делать думаешь?

Катя пожала плечами:

– Не знаю. Хотела на фронт пойти, но мне ещё восемнадцати нет. Буду работу искать – Ленинград город большой.

– Мыслишь в верном направлении, но с работой трудно – предприятия эвакуируют, не до новых работников, сама понимаешь. Новичков ведь ещё обучить надо, ремесло в руки дать, а не сразу за станок ставить. С заводов и из институтов народ сейчас тысячами увольняют, сажают на иждивенческую карточку.

– Всё равно буду искать, – сказала Катя, – мне идти некуда. В нашей деревне Новинке уже фашисты хозяйничают, а избы председатель сельсовета сжёг, чтоб гадам не достались.

Егор Андреевич досадливо крякнул:

– Прёт и прёт немец. Не знаю, что тебе и сказать, девонька. Я в Первую мировую на германском фронте Георгия заработал. Тоже много безобразий повидал, но так, как нынче, немчура не зверствовала. Ни их, ни наши солдатики мирное население старались не задевать. А в Польше было, что местный ксёндз нам ещё и стол накрыл. Ну, то есть не нам, а офицерам. Но солдатам тоже перепало по кружке пива да по куриной ножке. До сих пор помню, как я ту ножку грыз. Поляки знатно кухарить умеют. Да и наголодались мы на казённых харчах.

Он задумался. Молчала и Катя, слушая, как из радиоточки раздаётся мерный стук, словно кто-то осторожно бьёт палочкой по дереву: тук-тук, тук-тук. Или дождь по чердаку барабанит, как дома в Новинке, когда у них с мамой в избе прохудилась крыша.

Катя чувствовала, что пора прощаться, но уходить не хотелось. Желая растянуть время, она посмотрела на радио:

– Зачем стучит в ретрансляторе?

– Метроном стучит. Приборчик, вроде часов. Говорят, им музыканты пользуются. Я сам-то не видел. Это чтоб население знало, что радио работает. Круглосуточно диктора не посадишь, им тоже спать надо, – охотно откликнулся Егор Андреевич. – В Ленинграде по указу запрещено радио выключать, чтоб народ вовремя оповестить о воздушной тревоге. Медленно стучит – отбой, а быстро – значит, жильцам бежать в бомбоубежище, а мне крутить ручную сирену. – Кивком головы он показал на стойку с двумя металлическими дисками, к которым была приделана изогнутая ручка.

Прежде Катя никогда не видела ручных сирен, хотя сегодня на улице слышала её пронзительно режущий звук, как будто на крыше амбара истошно орут одновременно тысяча мартовских кошек.

Интересную конструкцию она осмотрела с интересом:

– Я бы покрутила.

Брови Егора Андреевича сошлись к переносице:

– Ещё наслушаемся. Печёнкой чую – скоро придётся ручку день и ночь крутить при бомбёжке, – в сердцах он стукнул кулаком по коленке, – бомба – это тебе не игрушка. Хотя откуда тебе знать – молода ещё.

– Я знаю, – непослушными губами сказала Катя. – Нас много бомбили на окопах. И из пулемёта фашистские лётчики стреляли. Маму убили.

Стараясь спрятать чувства, она поспешно схватила чашку с чаем и отпила большой глоток. Остывший чай приятно охладил горячее горло и помог прийти в себя.

Она вопросительно взглянула на Егора Андреевича:

– Спасибо вам большое. Я пойду?

– Как это пойдёшь? – Голос Егора Андреевича дрогнул от возмущения. – Куда это ты наладилась?

– Туда, – Катя неопределённо махнула рукой в направлении двери и подняла саквояж, готовая шагнуть за порог.

– А ну, сядь! – короткий приказ пригвоздил её к месту.

Она села послушно, как школьница. Всё равно идти некуда.

Егор Андреевич встал, поправил на окне светомаскировку, а потом опять вернулся на место и смущённо кашлянул:

– Короче, вот такое дело – вдовый я, – сплетя руки, он покрутил большими пальцами, – и детей нет. Круглосуточно на работе. Война. Надо быть на посту. Улавливаешь, куда я клоню?

– Нет, – честно ответила Катя, – не улавливаю.

– Эх, ты! А я думал, ты сразу угадаешь, что я предлагаю тебе в мою комнату заселиться, потому что в остальном доме уже густо беженцев натолкано. Пятнадцатая квартира, куда ты ходила, осталась свободна, но на завтра я её уже семье с Кировского завода обещал. Там теперь почти фронт.

Катя потеряла дар речи. Молчала и только глазами хлопала, не зная, что ответить и как благодарить. Пока она собиралась с мыслями, Егор Андреевич достал толстую тетрадь и надел очки:

– Давай твой паспорт, впишу тебя в домовую книгу, а завтра зарегистрируешься у участкового и получишь карточки. Авось не пропадём, Бог милостив.

* * *

24 августа 1941 года.

39-й моторизованный корпус армии вермахта захватил станцию Чудово и перерезал железную дорогу Москва – Ленинград.

27 августа

Утром немецкие танки и мотопехота атаковали позиции 48-й армии по всему фронту и вынудили её к беспорядочному отходу. В 12 часов прервано железнодорожное сообщение по линии Сонково – Мга.

28 августа

В 12 часов противник почти без боя занял Тосно, отеснив к северу части 70-й стрелковой дивизии, захватил Саблино, а к 20 часам достиг посёлка Красный бор, продвинувшись за сутки на 30 км. От Ленинграда его отделяло всего 30 км.

29 августа

Войска противника захватили станцию Мга, перерезав Северную железную дорогу. Утром через станцию прошли последние два железнодорожных состава из Ленинграда.

30 августа

Головные дивизии 16-й немецкой армии, внезапно свернув с Московского шоссе, ворвались в Усть-Тосно и Ивановское и вышли к Неве. Таким образом враг перекрыл последние (прямой водный и железнодорожный) пути сообщения Ленинграда со страной.

* * *

Управхоз Егор Андреевич жил в квартире на первом этаже окнами во двор. От фундамента по стенам ползла сырость, наполняющая квартиру сладковатым запахом плесени. Плесень была неистребима, хотя жильцы вели с ней нешуточные бои, вплоть до окуривания стен горючей серой. Серная вонь витала в воздухе почти месяц, но плесень санобработки не заметила, благополучно продолжив распознаться по штукатурке зеленоватыми пятнами.

В квартире были четыре комнаты, кухня и тесная ванная комната без ванны, но зато с краном, цедившим капли в подставленное ведро. Главное место в общественной кухне занимала дровяная плита, на которой стояли керосинки по числу комнат. К стенам жались кухонные столики и висели ходики с кукушкой и двумя гирьками в виде шишек.

У Кати в доме были точно такие же часы, поэтому они приласкала их взглядом, как старого друга, и тревога на сердце стала рассеиваться.

Егор Андреевич распахнул дверь из коридора и ласково подтолкнул Катю вперёд:

– Располагайся, дочка.

Если бы благодарность имела свойства жидкости, то Катя наверняка утонула бы в её волнах. Но поскольку она не любила выказывать свои чувства, то в ответ только кивнула:

– Спасибо большое!

Спать ей предстояло на раскладушке, вытащенной из огромного тёмного шкафа с резными створками.

– Сам столярничал, – похвастал Егор Андреевич. – И шкаф, и раскладушку.

Кроме шкафа комната вмещала круглый стол, покрытый зелёной клеёнкой, четыре стула, деревянную кровать и тумбочку.

Помогая расставить раскладушку, Егор Андреевич посетовал:

– Я бы сюда и сам лёг, чтобы тебе бока не ломать, да продавлю ненароком.

– Обожаю спать на раскладушке, – заверила его Катя, потому что это была правда. В Новинке она часто забиралась на чердак, где на раскладушке лежал матрац, набитый сеном, и ложилась навзничь, глядя, как под крышей раскачивается паутина бельевых веревок. Вдыхая пряный запах трав, она читала, думала или мечтала.

Несмотря на незнакомое место, уснула Катя почти сразу, а Егор Андреевич сел за стол, придвинул пепельницу, но курить не стал. Посмотрев на портрет жены на стене, тяжело вздохнул:

– Вот, Фрося, какие дела.

У него вошло в обыкновение вечером рассказывать ей, как прошёл день.

Ордер на вселение Егору Андреевичу выдали ещё в двадцатых, когда он с женой и дочкой пришёл в Петроград из Псковской губернии, где их село сгорело дотла.

Жители не поняли, кто запалил пожар, белые или красные, а может, и из деревенских кто-то соседям мстил, но только иного выхода, как податься в город, у Егора Андреевича не осталось.

В ленинградской части жизни у Егора Андреевича был родной завод, эта комната и, конечно, жена Фрося и дочурка Любонька. Дочкины портреты Егор Андреевич все спрятал – не мог смотреть без душевной боли: руки начинали ходить ходуном, а из груди вырывалось рыдание, больше похожее на звериный рык.

Любонька служила военврачом и погибла на Халхин-Голе. Следом за дочкой на погост отнесли Фросю. А он, старый пень, остался небо коптить, хотя с радостью переселился бы к ним на небушко.

Но сейчас война, а значит, надо жить. Не для себя – для других. Для жильцов, для Ленинграда, вон, для этой нежданной конопухи, что сопит под одеялом на раскладушке.

То ли порывистостью движений, то ли прямым взглядом, но Катерина крепко напомнила Егору Андреевичу потерянную Любоньку.

* * *

В директиве Гитлера № 1601 «Будущее города Петербурга» от 22 сентября 1941 г. со всей определённостью говорилось:

2...стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у её новых границ.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения⁴.

* * *

С двадцать шестого августа в Ленинграде был введён комендантский час. Движение по городу прекращалось в десять вечера и начиналось в пять утра.

Второго сентября вновь снижены нормы хлеба.

Гитлеровцы пёрли на Ленинград со всех сторон, не давая Красной армии роздыху. Радиоэфир заполнили тревожные сводки с фронтов. Война грозила затянуться надолго.

Катя подумала, что надо сделать какие-нибудь продовольственные запасы на зиму. Что взять с Егора Андреевича? В буфете у него тараканы свадьбу справляют, а на кухне стоит бутылка подсолнечного масла и лежит кулёк серых макарон.

Когда Катя совала макароны в кипяток, то они сразу же разваривались в полужидкую массу.

– Третий сорт, что ты хочешь? – сказала соседка тётя Женя. – Такими макаронами впору поросят кормить.

Работала тётя Женя на швейной фабрике. Она была грузная, черноволосая и длинноручая, как горилла. Ещё в квартире жила библиотечарша Вера Ивановна с двумя детьми – тринадцатилетней Ниной и шестилетним Ваней. Хорошенькая блондинка с красивыми глазами, Вера Ивановна оказалась очень непрактичной и всё время забывала, где какие карточки надо отоваривать. Катя удивлялась: неужели трудно запомнить, что хлеб можно купить в любом магазине, а крупы, жиры и сахар только в прикрепленном. Из-за рассеянности Вере Ивановне приходилось дополнительно стоять в очередях, поручив Кате присматривать за детьми.

По большому секрету тётя Женя шепнула, что Вера Ивановна могла уехать в эвакуацию чуть ли не в первых рядах из-за того, что у неё муж полковник. Но она наотрез отказалась уезжать. Сказала, что не может оставить библиотеку, потому что без присмотра книги раста-

⁴ ГА РФ, ф. 7445, оп. 2, д. 166, ял. 312–314, перевод с немецкого.

щат. Такую позицию Веры Ивановны тётя Женя решительно осуждала и при каждом удобном случае не забывала пенять:

– Вот, Верка, не послушалась мужа и сиди теперь, как мышка в западне, да ещё с мышатами. Вон, народ говорит, что последние поезда с эвакуированными ушли, да назад вернулись. Захлопнулась наша коробочка.

Впрочем, тётя Женя выговаривала вполне беззлобно, даже с сожалением, и Вера Ивановна не неё не обижалась. Она давно привыкла, что тётя Женя может без стука войти к ней в комнату или по-свойски заглянуть в кастрюльку с супом.

С тётей Женей и Верой Ивановной Катя поладила сразу, а третья соседка – старуха Анна Павловна Кузовкова – встретила её с открытой враждебностью.

Когда наутро после заселения Катя вышла в кухню с чайником, Кузовкова уткнула руки в боки и обошла её кругом, оглядывая с ног до головы, как цыган кобылу.

– Гляньте, никак Егор девку привёл! Совсем обезумел старый хрен. В нашей квартире народу и без того как семечек в огурце!

Была Кузовкова маленькой, кругленькой, краснощёкой – точь-в-точь бабушка из доброй сказки. Только глазёнки сверкали по-крысиному и рот-пирожок зло кривился уголками вниз. Крикливая, в цветастом халате, старуха Кузовкова умела заполнить собой всё кухонное пространство, и куда бы Катя ни отвернулась, там везде мелькал пёстрый ситец и раздавался визгливый голос.

Решив перемолчать, Катя подошла к керосинке и несколько раз качнула насосик, чтобы подать топливо.

Кузовкова подплыла сзади и засопела:

– Слышь, девка, морду-то от меня не вороти. Хоть тебя и сам управхоз привёл, а хозяйничать в квартире не смей. Понаедут тут всякие, а ты потом керосин прячь, чтоб не отлили.

– Не нужен мне ваш керосин, – не выдержала Катя, – и квартира не нужна. Я отсюда при первой возможности уеду. Устроюсь на работу и уеду.

В ответ Анна Павловна высморкалась в полотенце на своём плече и внезапно запела елеинным голоском:

– Ну, хозяйничай девонька, хозяйничай. Надо соли, бери, не стесняйся. Мой столик у самого окошка стоит.

Поражённая переменой Катя резко обернулась и увидела в дверях Егора Андреевича. Устало ссутулившись, он одной рукой опирался о косяк, словно его не держали ноги.

– Катерина, быстренько пей чай и собирайся. Дело есть. Поручаю тебе организовать местных ребят на сбор бутылок.

– Каких бутылок? – не поняла Катя. – Зачем бутылки?

Егор Андреевич выпрямился:

– Получен приказ Ленгорисполкома собирать пустые бутылки, чтобы заливать их горючей смесью и отправлять на фронт. Слыхала про «коктейль Молотова»?

Катя кивнула.

– Вот то-то и оно. Иди, ремонтируй ящики и принимай то, что пионеры натаскают. Объявления развешены.

* * *

Во дворе стоял стук, а груда поломанных ящиков возвышалась до окон первого этажа. В открытой форточке маячил дымчатый кот, взиравший на безобразие с явным отвращением.

Егор Андреевич сокрушённо развёл руками:

– Магазины отдают только поломанные ящики, у них возврат на базу. Ящики нынче тоже стратегический объект, так что придётся самим расстараться на починке. Вон, один работник уже брошен на прорыв.

Вихрастый мальчишка в голубой рубашке с красным галстуком с размаху всадил гвоздь и горделиво оглянулся:

– Видели, товарищ управхоз, как я умею? А вы говорили – не справлюсь.

Мальчишка был румяный, рыжий, весь усыпанный огненными веснушками.

Катя сразу решила, что он похож на колобка, убежавшего от дедушки с бабушкой.

В знак одобрения Егор Андреевич поднял большой палец и сказал:

– Вот тебе, Сенька, начальница. Выдай ей молоток.

– Егор Андреевич, – подлив в голос ехидных ноток, протянул Сенька, – да разве же девчонка сумеет?

– А ты научи, – нахмурился Егор Андреевич, – и в целом покажи Катерине, что тут у нас во дворе и где. Возьми, как говорится, над ней пионерское шефство. Не зря же ты галстук надел.

Обречённо повесив голову, паренёк протянул Кате молоток и указал на ящичек с гвоздями:

– Бери, заколачивай. Гвоздик туда, гвоздик сюда. А то скоро ребята бутылки принесут, а у нас ставить некуда.

Катя усмехнулась: ну, держись, Сенька, сейчас ты у меня поплывёшь в дрейф, как Папанин на льдине. Заколачивать гвозди она умела виртуозно, спасибо соседу-плотнику дяде Савелию. Однажды в Новинке был выигран спор с мальчишками, кто быстрее забьёт сто гвоздей. Проигравший выколачивал гвозди обратно. Работать гвоздодёром ей не пришлось, а мальчишки с тех пор всегда поглядывали на неё уважительно.

Попробовав молоток на вес – тяжеловат, но обойдусь, Катя поставила в ряд пять гвоздиков, и не дожидаясь пока они упадут, короткими взмахами забила их по самую шляпку. Как пулемётную очередь выстрелила.

– Ловка девка! – уважительно сказал Егор Андреевич и поцокал языком. – Ловка.

– Здорово! А меня научишь? – Она увидела, что у Сеньки от восторга перехватило дыхание, а глаза блеснули неподдельным азартом.

– Научу, когда половину ящичков починим.

Оседлав скамейку, Катя положила рейки крест-накрест. Удар, ещё удар. Готово.

Ей нравилось чувствовать силу руки и тяжесть молотка, который играючи повинуется движениям мускулов.

Работа спорилась, и под весёлый перестук ненадолго забывалось, что идёт война, в небе висят толстопузые дирижабли, а запасы продуктов подходят к концу.

Складывая ящики штабелем, Катя подумала, что в старости обязательно вспомнит этот день с неярким солнышком, ленинградский двор, вихрастого Сеньку и толстого серого кота на окне. Отложив молоток, она специально взглянула на кота пристальнее, силясь запечатлеть в памяти его полосатую сущность.

Из раскрытого окна полился мотив фокстрота, и Катя совсем пришла в хорошее расположение духа, когда во двор вошёл парень лет двадцати.

– Эй, работнички, где тут у вас управдом?

Никогда прежде она не видела у ребят такой улыбки – ясной и в то же время чуть-чуть застенчивой. Кате почудилось, что она на миг оказалась в своей Новинке, таким родным вдруг увиделся ей этот незнакомый парень в светлой рубахе, небрежно заправленной в чёрные брюки.

Вместо гвоздя она стукнула молотком себе по ногтю, сунула палец в рот, да так и застыла, понимая, что со стороны выглядит полной дурёхой.

* * *

За одну неделю ленинградские школьники собрали более миллиона пустых бутылок.

Бутылки были залиты горючей смесью и отправлены на фронт.

* * *

Шофёр третьего автопарка Сергей Медянов так и запомнил её с пальцем во рту – смешную девчонку с двумя косичками и курносый носом. На простой вопрос она покраснела и никак не могла толком ответить, где искать управхоза или управдома. Как кому нравится. Сам он предпочитал старое – управдом.

Неделю подряд Сергей развозил на старой полуторке песок для тушения пожаров и намотался как бобик за косточкой. Когда он расчёсывал волосы, песок сыпался на воротник, а если ел, то песок хрустел на зубах вместо соли.

Баранку Сергей крутил давно – третий год, сразу после школы записавшись на шофёрские курсы. Мать просила пойти учиться в институт на дневное, но Сергей наотрез отказался, потому что отец был репрессирован, а мамино жалованье машинистки в издательстве едва хватало заплатить за квартиру. После ареста отца мама целыми днями писала письма во все инстанции, доказывая, что муж не мог распространять антисоветские листовки по состоянию здоровья.

– Какие листовки, если он почти слепой? – восклицала она, ломая пальцы. – Скажи, Серёжа, как можно, ничего не видя, переписывать статьи запрещённых авторов?

Сергей не знал ответа и всегда успокаивал, что произошла ошибка и отца скоро выпустят. Он действительно в это верил. Но прошёл год, другой, третий. Десять лет без права переписки. Какой изощрённый ум мог выдумать такую кару? На пятом году папиного заключения почтальон принёс извещение, что К.Р. Медянов скончался от остановки сердца.

Постепенно Сергей заметил, что мамин характер изменился и она то замыкается в себе, то становится весёлой и разговорчивой.

– Да она, наверное, пьёт, – предположила мудрая крёстная, когда Сергей поделился с ней своим беспокойством.

– Моя мама? Я даже мысли такой не допускаю!

Но тревога продолжала точить, и, дождавшись, когда мамы не было дома, Сергей провёл обыск.

Пустые бутылки нашлись за тумбочкой в общем коридоре. Сергей выбросил их в помойку, а потом долго бродил по городу и думал, как им с мамой жить дальше. Разговор по душам не принёс никакого результата. Мама продолжала пить, а вечерами сидела, завернувшись в шаль, подаренную отцом к годовщине свадьбы, и смотрела в окно. Молодая, сорокалетняя, умная и красивая мама считала, что её жизнь закончилась.

Сейчас мама ушла в ЖЭК печатать приказы и объявления, а Сергея вместе с машиной со следующей недели мобилизовали в автомобильный батальон. Последний наряд в гражданской жизни – развести песок и забрать пустые бутылки, от одного вида которых его мутило.

А девчонка та, в доме на Огородникова, симпатичная, хотя и смешная. Похожа на парнишку-подростка. Интересно, сколько ей лет?

* * *

После сбора бутылок вместе с другими жильцами Катя таскала песок на крышу дома, чтобы заполнять противопожарные ящики. Следующие несколько дней она безуспешно пробегала по предприятиям в поисках работы, а теперь вот решила пойти на окраину города собирать остатки урожая с колхозных полей.

Надоумила её тётя Женя:

– У нас на работе уже все бабы сбегали в совхоз и принесли по мешку капустных листьев. Чем без толку по городу метаться, лучше бы подумала, что в щи положишь. И Верку с собой возьми, а то она детей голодом заморит, и так уже по карточкам ничего не выкупить.

Идти сговорились в шесть утра.

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт, а то одни оборыши достанутся, – подвела итог тётя Женя.

Женщин и детей на колхозном поле было много, как кочерыжек. Таская за собой мешки и кошёлки, они ползали на коленях и перерывали рваные борозды в поисках остатков капусты. Кому везло, находили целые кочешки с хрусткими листьями, но в основном удавалось накопывать подгнившие обрубки, похожие на свиной пятачок.

Сидя на перевёрнутом ведре, молодая женщина кормила грудью ребёнка. Рядом тащила корзину седая старуха с растрёпанными буклями, а чуть поодаль интеллигентного вида женщина отряхивала одежду и красила губы. Отведя от лица тюбик помады, она посоветовала:

– Девушка, идите дальше, за ров. Там ещё можно что-то набрать, а здесь уже всё пусто.

Перерезавший посадки ров был заполнен стоячей водой бурого цвета, через которую чья-то добрая рука вместо мостика перекинула деревянную калитку.

Вооружившись лопаткой Егора Андреевича, Катя скоро набросала половину картофельного мешка и подошла к Вере.

– Тебе помочь?

Сидящая на корточках Вера подняла голову и почесала грязной пятернёй в голове. На белокурых волосах остались комочки грязи. Вера засмеялась:

– Спасибо, Катенька. Я такая неумеха. И как меня столько лет муж терпел? – От упоминания о муже Вера часто-часто заморгала, и Катя испугалась, что она сейчас заплачет. – Он под Москвой, Катя. Я сердцем чувствую, что он там. Когда вчера по радио сказали, что идут бои под Москвой, я сразу подумала про Васю. Нам здесь в тылу хорошо, спокойно, а там...

Вера опустила голову и воткнула в землю детскую лопатку, позаимствованную у сына. Больше она не говорила про мужа, а беспечно болтала всякую чепуху, но время от времени её речь застывала на полуслове, а взгляд становился прозрачным и отсутствующим.

Едва мешки наполнились кочерыжками, Катя с Верой двинулись в обратный путь, нагружившись, как черепахи.

Стоял тёплый осенний день. На заполненные людьми тротуары ветер бросал пожелтевшие листья, которые, падая, плавно кружили в воздухе, словно вальсируя под неслышную музыку.

Когда проходили мимо кинотеатра, Вера дотронулась до Катиного локтя:

– Трудно представить, что всего три месяца назад мы с мужем смотрели здесь фильм «Если завтра война», целовались и были счастливы. А теперь мне кажется, что это не артисты, а я оказалась в страшном фильме, который не закончится, даже если порвётся плёнка. Тебе хорошо, Катенька, ты одна, а у меня дети. Мне не за себя – за них страшно. И за Васю. Может быть, он сейчас под обстрелом лежит или под бомбами.

Катя поправила мешок на плече:

– Знаешь, Вера, я думала, что если бы у меня был ребёнок, братишка или сестрёнка, мне было бы трудно, но всё-таки легче. Ты понимаешь, о чём я?

– Кажется, понимаю.

Их разговор заглушил внезапный рёв фабричной трубы. Откликаясь на зов, подали голос пароходы на Неве, завывли ручные сирены, захлопали зенитки.

– Бежим скорее до ближайшего дома, – выкрикнула Катя, – там бомбоубежище!

Впереди, сзади, сбоку них тоже бежали люди. Улица пришла в движение, как разворошённый муравейник. Снаряды прицельно били по домам, вырывая из фасадов куски кирпичной кладки. Где-то резко и испуганно кричал человек.

Вдоль домов метались девушки-дружинницы, регулируя поток в бомбоубежище:

– Туда, быстрее! Не задерживайтесь, товарищи!

Чувствуя, как тяжёлый мешок колотит по спине, Катя бежала сама и тащила за собой Веру, которая спотыкалась на каждом шагу. Одновременно с очередным разрывом снаряда они успели войти в бомбоубежище, забитое людьми под завязку. От удара дом вздрогнул и закачался. Грохот разрыва слился с криками людей и детским плачем. Потом снова удар и тишина.

Не успев понять, что произошло, Катя полетела куда-то вниз.

* * *

С 4 сентября по 30 ноября 1941 года город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. Иногда население оставалось в бомбоубежищах почти сутки. 15 сентября 1941 года обстрел длился 18 часов 32 минуты. 17 сентября – 18 часов 33 минуты.

Всего за период блокады по Ленинграду было выпущено 150 тысяч снарядов⁵.

* * *

Катя с трудом открыла глаза, но ничего не увидела, потому что кругом была темнота. «Где я? Что произошло?» Она повела руками в стороны и поняла, что лежит в воде, упираясь головой во что-то твёрдое.

Инстинктивно она приподнялась, потом перевернулась на четвереньки и поползла вперёд, всё ещё не осознавая случившееся. Шлёпанье мокрых ладоней отдавалось в ушах громким эхом. Вода постепенно прибывала, и Катя вынужденно встала на колени, пригибая голову под низким потолком. Слышался нарастающий шум воды, какой бывает, когда плотину прорывает весеннее половодье.

Но где-то же должен быть выход? Опасаясь потерять направление, она стала перебирать руками по стене, чувствуя, что стало легче дышать. С каждым шагом воздуха становилось всё больше и больше. Теперь Катя двигалась вперёд уверенно и быстро.

Там, в конце пути, должен быть свет. Надо только себя заставить и не отступить, даже если больно и страшно.

Рывок, снова рывок, и вдруг, словно бы ниоткуда, раздался человеческий голос:

– Эй, есть кто-нибудь живой?! Отзовись!

⁵ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.: Л, 1966.

– Я! Я живая! – с надеждой закричала она, предчувствуя, как чьи-нибудь руки вытащат её из этой дыры.

Остановившись, она вслушалась в тишину. Голос замолк.

Теперь уже Катя стала звать и спрашивать:

– Эй, есть кто-нибудь живой?

Напрягая слух, она спрашивала снова и снова, пока не услышала ответ, идущий оттуда, откуда она с трудом выбралась:

– Помогите!

И Катя повернула назад. Снова ладонями по стене, вода по шею, тяжёлый, густой воздух и темнота. Но где же всё-таки я?

И вдруг на неё обрушилось воспоминание о взрывах, бомбоубежище, Вере и мешке с капустными кочерыжками.

– Вера? Вера! Это ты? – закричала Катя, всем телом подаваясь вперёд в глухое, затхлое пространство.

Но вместо Вериного голоса ей ответил мужской, находящийся где-то совсем рядом:

– Помогите, пожалуйста.

– Вы где?

Воды снова стало по грудь, впору плыть. Пальцы то и дело наталкивались на какие-то тряпки, банки, куски дерева. Скользящий комочек шевельнулся под её пальцами, пискнул и остренько укусил. Катя поняла, что это крыса, и передёрнулась от отвращения, потому что крыс всегда боялась.

Перебарывая страх, она ещё раз спросила:

– Вы где?

Неожиданное прикосновение к плечу заставило её шарахнуться в сторону, но Катя тут же опомнилась и вздохнула с облегчением. Теперь она была не одна.

Судя по голосу, мужчина, барахтавшийся рядом, был совсем молодой. Придержав Катю за рукав, он сказал:

– Я за что-то зацепился и не могу вырваться.

Он тяжело дышал. Видимо, долго боролся и совсем выдохся.

В кромешной тьме Катя могла действовать лишь на ощупь, полагаясь на чуткость пальцев. Говорят, слепые даже читают пальцами, а Катя без толку возила руками вокруг мужчины, и не могла отыскать, что его держит.

Он подсказал:

– Кажется, защемило рубаху сзади. Я дёргаюсь, но едва могу пошевелиться.

Чтобы подобраться к его спине, Кате пришлось подойти вплотную:

– Держите меня, я попробую вытащить, но мне нужна опора. – Она сразу же почувствовала его руки на своей талии и, наклонившись, дёрнула рубаху, зажатую между двух балок. – Не поддаётся. Намертво засела.

Она дёргала снова и снова, но всё безуспешно.

– Я бы снял, но мне не вывернуться. Сейчас попробую разорвать. Гимнастёрка новая. Ткань очень крепкая, да ещё и мокрая.

Он незаметно перешёл на «ты», и Катя почувствовала, что за прошедшие несколько минут они успели сродниться.

– Давай.

Теперь она придерживала его за талию, слушая треск рвущейся материи.

Зловонная духота забиралась в ноздри и мешала дышать, а ноги в воде совсем окоченели.

Наконец гимнастёрка поддалась, и парень сказал:

– Поплыли искать выход. Я, кстати, Сергей.

– А я Катя. Выход должен быть там, откуда я вернулась.

Отыскав его руку, Катя потянула Сергея за собой, мечтая о той минуте, когда сможет вдохнуть свежий воздух.

Идти вдвоём оказалось в два раза легче, даже крысы стали казаться мирными существами, наподобие кротов, которых у них в Новинке развелось видимо-невидимо. Интересно, откочуют кроты на время войны в другую страну или им под землёй всё равно, что творится наверху?

– Голоса слышишь? Завалы разбирают. – Сергей вдруг остановился.

Катя тоже прислушалась, но сначала услышала стук и скрежет, сквозь который с трудом пробивалась человеческая речь. От надежды, что они скоро выберутся, сил сразу же прибавилось, хотя радости мешала тревога о Вере. Где она, что с ней? Вдруг она здесь, рядом, в крошечной тьме и не может позвать на помощь?

Голоса становились всё громче и громче, а в зоне видимости забрезжил свет. После полной темноты полоса света казалась ослепительной и прекрасной. Повернув голову, Катя смогла рассмотреть своего спутника и невольно ахнула, узнав в нем парня-шофера, который привозил в их двор песок.

Он тоже узнал её и смущённо ссутулил голые плечи:

– Вот где довелось встретиться. А ты смелая.

Теперь они подошли к пролому в перекрытии, за которым шёл разбор завалов, и людей по одному вытаскивали через низкое окно запасного выхода. Катю поразило, что не было никакой паники, никто из людей не рвался вперёд, не кричал, не плакал. Большеглазая девочка с красным бантом вцепилась в куклу, старушка в углу беспрестанно крестилась, пожилой мужчина пропускал вперёд женщину с заплаканным лицом, а позади всех стояла Вера и прижимала к груди мешок кочерыжек.

– Вера! Смотри, это Вера! Она жива, понимаешь, жива! – В порыве радости Катя до боли стиснула руку Сергея, сразу почувствовав ответное пожатие.

– Твоя подруга?

– Соседка, мы вместе ходили на поле кочерыжки собирать.

Он стоял совсем рядом, голый по пояс, и Катя старалась смотреть в пол, чтобы не покраснеть, как та морковка, что случайно оказалась в земле рядом с кочерыжками. Катя тогда обтёрла её об подол и съела.

– Тут высоко, давай я тебя подсажу, – предложил Сергей.

Катя подумала, что снова почувствовать его руки на своей талии будет свыше её сил, и резко отказалась:

– Нет! Я сама. Я всё делаю сама.

Но всё же он сумел её смутить, когда опустился на одно колено:

– Тогда наступи мне на коленку и лезь сама.

Катя вспомнила, что она в юбке, и едва не заплакала:

– А ты отвернись.

Он просчитал ход её мыслей и встал:

– Давай я первый вылезу, а потом вытяну тебя за руки.

Сейчас, когда опасность миновала и Вера оказалась живой и здоровой, Кате захотелось выглядеть перед Сергеем красивой, стройной, отважной девушкой, а не форменным чучелом с растрёпанными волосами и мокрой юбкой, с которой стекают потоки грязи. Правда, вид Сергея был не намного лучше. Хотя нет, всё-таки намного, потому что у него были необыкновенные зеленоватые глаза цвета капустной кочерыжки и обаятельная улыбка, к которой тянуло прикоснуться пальцем.

Чтобы поскорее прекратить свои страдания, Катя заторопилась. Дождалась, когда Сергей выберется из подвального отсека, выбралась сама, обняла Веру и повернулась к Сергею:

– Счастливо оставаться! – И после долгой паузы, прошептала: – Я буду тебя помнить.

* * *

Отправляясь утром за капустой, Катя и Вера шли по городу, застывшему в суровом ожидании. Ленинградцы торопились на работу, вели детей в детские сады, плакали, смеялись, любили. Они были готовы ко всему, и враг не застал их врасплох, но к вечеру многие люди превратились в разорванные куски мяса, были задавлены рухнувшими домами или сгорели заживо. Ленинград стал полем боя.

Когда Катя и Вера, грязные и измученные, ввалились в квартиру, Ниночка громко заплакала, а Ваня застыл в дверях, как испуганный зверёк, и глаза у него стали круглыми:

– Мама, что с тобой?

– Всё хорошо, Ванюша. Это мы с Катей на поле перепачкались. Понимаешь, поле очень грязное и людей на нём много. Я упала случайно. И Катя тоже. Посмотри, мы принесли целый мешок капустных кочерыжек. Сейчас я помоюсь и очищу вам по прекрасной кочерыжке. Вы ведь любите капусту?

Вера говорила с лихорадочностью больного, который уверяет доктора, что абсолютно здоров. Нельзя пугать детей. Нина такая чувствительная девочка! Чуть что – в слёзы. Ваня перемолчит, а ночью намочит простыню и потом будет долго переживать и стыдиться.

– Мама! – прервало её речь восклицание Вани. – По радио сказали, что был обстрел и много домов разрушено. Скажи правду – вы с Катей попали под обстрел?

Вера закусила губу. Будь вопрос сына ничего не значащей мелочью, она бы соврала не задумываясь, но теперь война и дети должны знать правду.

Тяжело опустившись на банкетку под вешалкой, она притянула к себе детей и вдохнула их родной запах, до сердечной боли осознавая свою нежность.

– Да, Ваня, мы попали под обстрел. Но переждали его в убежище.

– Я так и знал. – Голос сына зазвенел на высокой ноте. – Когда по радио передали воздушную тревогу, я сразу вспомнил про тебя.

Наверное, Нина и Ваня ждали её у окна, слушали радио, беспокоились, бегали к входной двери смотреть в щёлку, кто идёт. Дети не виноваты, что взрослые затеяли войну.

Вера постаралась придать голосу уверенность:

– Ничего, родные, папа нас защитит, и война скоро закончится. Надо только немножко потерпеть.

– Мы понимаем, мама, – за двоих ответил Ваня, пока Нина устраивалась к ней на колени.

Вера хотела подняться, но сидеть в полутёмном коридоре под вешалкой и обнимать детей было так хорошо, что она не двигалась. Для полного счастья сейчас недоставало только мужа, которого она любила до самозабвения.

Впервые Вера увидела будущего мужа на новогоднем балу, когда в девичье царство библиотечного техникума пришли курсанты Артиллерийского училища. От вида толпы красавцев в военной форме у подружек голова пошла кругом, а Вера стеснялась показывать явный интерес и поэтому спряталась за колонной и старательно делала вид, что разглядывает плакаты на стенах. Краем глаза Вера наблюдала за танцем первой красавицы техникума украинки Галины. Её приглашали наперебой.

Толстую косу Галя обернула короной вокруг головы. В красном платье с чёрным пояском она напоминала алый мак, и Вера считала, что все курсанты должны влюбиться только в Галю, на худой конец в Алечку, или Марину, или Юлю. Или... Начиная перебирать в уме девушек, Вера приходила к выводу, что хороши все, кроме неё, тем более, что она жила на одну стипендию и не имела красивого платья.

Поджав под стул ноги в белых носочках и старых туфельках, Вера решила, что самое разумное тихонько уйти, но тут заметила пристальный взгляд высокого молодого командира, который привёл к ним взвод курсантов.

Присматривая за подопечными, он не танцевал, а медленно прохаживался вдоль стены, заложив руки за спину. Оценив со стороны надменное выражение лица и высокие скулы, ни разу за вечер не дрогнувшие от улыбки, Вера сразу решила, что командир сухарь и задавака.

Когда он, сделав круг по залу, снова пошёл в её сторону, Вера вспыхнула и побежала вверх по лестнице, откуда был проход в другое крыло здания. Она не артистка, чтобы позволять себя так бесцеремонно разглядывать.

До окончания вечера Вера просидела в пустом классе, зажимая руками уши, чтобы не слышать звуки музыки. Она внушала себе, что серьёзные девушки относятся к танцам отрицательно, предпочитая развлечениям содержательную книгу, и она совершила большую ошибку, когда поддалась на уговоры однокурсниц. Больше такой легкомысленный поступок не повторится. Чтобы закрепить победу над собой, Вера пообещала к концу следующей недели законспектировать работу Ленина о субботнике «Великий почин».

Два дня после бала она ходила как в воду опущенная, терзаясь от собственного несовершенства, а на третий день после лекций путь стайке девушек преградил военный с букетом роз в руках. Среди заснеженной аллеи бордовые розы выглядели предвестником чуда.

Как сейчас помнится, красавица Галина зарделась и горделиво выпрямилась. На лице её читалось скрытое торжество.

– Ой, мамочки, – восторженно охнул кто-то из подруг, – везёт же Галке!

Но командир выбрал глазами Веру:

– Это вам.

От растерянности, восхищения и ещё чего-то возвышенного, залившего её краской с ног до головы, Вера не могла вымолвить ни слова.

Совсем недавно она прочитала книжку «Алые паруса», целую ночь промечтав о капитане Грее, а сегодня перед ней стоит не какой-нибудь курсант, а командир, и она чувствует себя самой настоящей Ассолью.

Поженились они в начале лета, когда ветер разносил пух с тополей. Пуху было столько, что из ЗАГСа они ступали, как по перине.

– Мягкая и лёгкая жизнь вас ждёт, – шутили подруги.

Да уж, лёгкая... Сначала Испания, затем Хасан, потом Западная Украина, затем Финская война. Вася воевал в Седьмой армии под командованием Мерецкова.

Как-то раз приехал ночью на побывку, сел у Ваниной кровати усталый, небритый, с красными от бессонницы глазами. Борясь со сном, он беспрестанно тёр веки руками, а Вера, опустившись на колени, плакала и снимала с него сапоги.

Но прежние войны, в которых участвовал муж, хотя и прошли через Верино сердце, но гремели где-то далеко, на периферии, и не стучались в дверь, где жили их дети.

Подумав о детях, Вера крепко поцеловала их растрёпанные волосёнки. Только бы продержаться до конца войны, не заболеть и не опустить руки, иначе куда они без неё?

* * *

В этот час дежурить на крыше должна была тётя Женя, но её как на грех разбил радикулит и она стукнула в дверь Кате:

– Слышь, Катюха, выручай, неможется мне – крючком согнуло. Не то что на чердак взобраться, а и до туалета доползти не могу.

Вид тёти Жени в ночной рубахе, опоясанной шерстяным платком, вызывал сочувствие. Подхватив соседку под руку, Катя помогла ей улечься в кровать:

– Не волнуйтесь, тётя Женя, отдежурю с удовольствием.

Она и вправду любила сидеть на крыше, позволяя мыслям свободно витать в любом направлении и даже касаться Сергея, о котором вспоминалось всё чаще и чаще. Большая крыша дома была разделена на сектора, и Кате достался самый отдалённый сектор, козырьком спускавшийся в сторону проспекта. С крыши ей хорошо виделось, как над городом висят аэростаты. В ветреную погоду их серебристые туши мотались из стороны в сторону, словно огромные рыбы, заплывшие в небесный океан. Егор Андреевич объяснил, что аэростаты – огромные воздушные шары – мешают самолётам опуститься вниз и зайти на прицельное бомбометание.

Достав из кармана кочерыжку, Катя уселась на лавочке рядом с ящиком песка и стала думать, как удивительно быстро в обиход вошли новые слова, вытесняя из речи мирную жизнь: бомбоубежище, заграждение, линия обороны, наступательная операция, призывной пункт.

Хотя кочерыжка хрустко скрипела на зубах, в животе от неё становилось пусто и есть хотелось ещё больше. Хлебца бы сейчас с горчичкой, а лучше – с кусочком сала. А сверху сальцо покруче посолить и натереть чесночком. Интересно, Сергей любит сало? Жаль, что они больше никогда не увидятся. У него такие красивые глаза. Катя вспомнила, как Сергей предложил ей наступить на своё колено, и покраснела до ушей, несмотря на то, что кроме неё на крыше сидел только кот, который точно не умел читать мысли глупых девчонок.

Дежурный с соседней крыши дружески помахал ей рукой, и она в ответ подняла руку:

– Добрый вечер!

Странно, что люди по привычке продолжают произносить: «добрый вечер, доброе утро». О каком добре можно рассуждать, когда вокруг царит зло?

Спокойное дежурство оборвалось самолётным гулом и воем сирен. От нарастающего шума задрожали стёкла, и Кате показалось, что крыша под ногами заходила ходуном. Вдали, в ясном небе появилась армада самолётов. Они летели строем, на разной высоте, как стая стервятников. Кругом взрывались зенитные снаряды, звучно лопааясь новогодними хлопучками. Артиллерия била суматошно, беспорядочно, не причиняя вреда самолётам. Они даже не маневрировали, не меняли строй и, словно не замечая пальбы, летели к намеченной цели. Четко видны были жёлтые концы крыльев и чёрные кресты на фюзеляжах.

Небо над городом вдруг полыхнуло чудовищной зарницей, которую загасила следующая вспышка, за ней другая, третья. Разрозненные вначале взрывы слились в сплошной грохот, разрывающий уши. Там, где только что махал рукой дежурный, взметнулся вверх столб дыма и пламени. Горело справа, слева, спереди, сзади – везде.

И вдруг, словно дождь с неба, посыпались зажигательные снаряды. Через несколько секунд после удара о крышу зажигалка выплёвывала из сопла столбик искр, будто бы загоралась сухая береста.

Удары взрывной волны били наотмашь, и сохранять равновесие удавалось с трудом. Схватив щипцы, Катя металась от зажигалки к зажигалке и совала их в ящик с песком. Она не чувствовала, как из носа течёт кровь, а ноги жжет от попадания огненных брызг.

Перепоасанное множеством вспышек, небо медленно становилось красным, словно раскалялась огромная топка.

Поток зажигалок казался нескончаемым. Бегая из конца в конец крыши, Катя столкнулась с какой-то девушкой, которая тоже несла в щипцах зажигалку. От секундного перекрестья взглядов на душе полегчало. Руки ходили ходуном. Подбирая завалившуюся за жёлоб зажигалку, Катя едва не сорвалась, но тут же почувствовала сильный рывок вверх.

– Держись!

Убедившись, что Катя твёрдо стоит на ногах, девушка легко перепрыгнула через короб вентиляции, успев затоптать ногами пятно костерка.

Бомбы продолжали сыпаться, искры фонтанами взрывались под ногами, из рухнувшей крыши соседнего дома вырвался огненный столб, заставшей воздух черным, едким дымом.

К Кате и девушке прибавилось ещё несколько человек.

«Господи, будет ли этому конец?», – билась в голове единственная чёткая мысль, потому что руки и ноги механически действовали сами по себе. Если бы Катя остановилась и дала себе раздых, то наверняка рухнула бы без памяти.

Фашистские самолёты улетели внезапно, оставив после себя шлейф грязно-красного зарева.

Когда погасла последняя зажигалка, Катя бессильно распласталась на крыше, подумав, что сейчас ей безразлично – жить или умереть. Из оцепенения её вывело тихое всхлипывание. Повернув голову, Катя увидела, что плачет девушка, которая ей помогала. В колышущемся свете пожара её каштановые волосы казались ярко-рыжими. Невысокая, худенькая, с остреньким носом и большими заплаканными глазами цвета крепкого чая. Она сидела с вытянутыми ногами, опираясь руками о крышу, и по щекам безостановочно катились слёзы. Под Катиным взглядом девушка попыталась улыбнуться:

– Я боюсь высоты.

– Как боишься? – поразилась Катя. – Ты же бегала и прыгала по крыше, как циркачка.

– Прыгала, а всё равно боюсь. Я вообще трусиха. Меня Лера зовут.

– А меня Катя.

Лера утёрла слёзы:

– Я знаю, ты к управхозу приехала.

В знак утешения Катя слегка сжала ей пальцы, как часто поддерживала подружку Олю, и некоторое время они обе молчали, глядя на набирающее силу кровавое зарево.

– Война... – прервала молчание девушка.

– Война... – отозвалась Катя, понимая, что в это слово вложено всё, что они могут сказать друг другу в эту минуту.

Позже Катя узнала, что бомбы ударили в Бадаевские склады с запасом продовольствия для города. Огромное зарево в полнеба стояло над Ленинградом несколько дней, а с утра по радио сказали, что вновь снижены нормы хлеба.

* * *

8 сентября 1941 года

Первый массированный налет вражеской авиации. Воздушная тревога была объявлена в 18 часов 50 минут. На город было сброшено 12 тысяч зажигательных бомб. Особо интенсивной бомбардировке подвергся Московский район. В течение 7–10 минут на район сброшено более 5 тысяч килограммовых зажигательных термитных бомб. Были зафиксированы 144 пожара, в том числе 62 на промышленных объектах, 52 – в жилых домах, остальные в учреждениях района. Сгорели Бадаевские склады⁶.

* * *

Когда Лера пришла домой после бомбёжки, то отца она не обнаружила. Домработница Нюся с бледным лицом сидела на большом бауле; эвакуированные, заселённые в дальнюю комнату, шуршали газетами, а папа исчез.

Наскоро подобрав волосы, Лера сменила разорванные туфли на целые и побежала в бомбоубежище.

⁶ Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.

Гарь на улице стояла столбом. Со стороны Бадаевских складов остро тянуло жжёным сахаром и чем-то резким наподобие кислоты. Из распахнутой двери бомбоубежища медленно, цепочкой выходили люди, и на лицах у них держалось одинаковое выражение тревоги и обречённости.

Кивнув Вере с ребятами, Лера поискала глазами отца.

– Ты Егора Андреевича ищешь? Так он завалы у соседнего дома разбирает, – сказала Вера. – А ты что, под бомбёжку попала? Платье в клочья.

Вера показала на ворот с оторванными пуговицами. Спohватившись, Лера зажала края рукой, ещё больше разорвав тонкий поплин:

– Егор Андреевич мне не нужен, я папу ищу. У него сердце слабое.

– Так он там, в убежище.

Лера спустилась вниз по ступенькам, едва не задев головой лампочку.

Когда обустривали бомбоубежище, она помогала собирать аптечку первой помощи – Егор Андреевич попросил. Лера тогда полгорода оббегала, чтобы сделать запас синьки для дезинфекции ран.

Отца она нашла в плохом состоянии. Тихо постанывая, он лежал на лавке, крепко накрутив на руку кожаный ремень с привязанным к нему чемоданом.

– Папа, тебе нехорошо?

Отец кинул на неё быстрый взгляд совершенно здорового человека и натужно простонал:

– Да. Схватило что-то, помоги подняться.

Чтобы встать, он перекинул руку Лере за шею, но чемодан не выпустил.

– Папа, давай чемодан.

– Сам.

Выписывая ногами кренделя, папа еле-еле волочился сзади, а когда увидел вошедшего во двор Егора Андреевича, сник окончательно:

– Егор Андреевич, сердце совсем отказывает, вот-вот помру, не гони ты меня на оборонные работы, дай наряд тому, кто моложе.

От догадки, что отец симулирует, Лену кинуло в жар. Со стыда она была готова провалиться под землю, и ей показалось, что Егор Андреевич тоже угадал папин манёвр, но промолчал из жалости к ней. Хотя совесть жгла нестерпимо, она потащила папу дальше. Оставалось утешать себя тем, что совсем скоро её судьба резко изменится к лучшему. Написанное в военкомат заявление было принято.

* * *

Утро началось с воздушной тревоги. Режущие звуки пронзали воздух, вызывая ощущения сродни зубной боли. Чтобы избежать отсидки в бомбоубежище, Лера прибавила шаг.

Выходя из арки двора, она обычно смотрела на Троицкий собор – уж очень красив был огромный ярко-синий купол, украшенный золотыми звёздами. В конце августа на куполе повисли крошечные фигурки альпинистов и спрятали синеву под слоем серой краски. Но по привычке Лера упрямо представляла себе золотые звёзды и молилась, чтобы в храм не попала ни одна бомба.

После вчерашней бомбёжки улица представляла собой разворошённый муравейник, словно все жители одновременно решили переменить место жительства. Мелькали тюки, тележки, сумки. Под ногами путались ревущие дети. Дымились развалины разбомблённого дома, из которого две сандружинницы вытаскивали женщину с запрокинутой головой, как у сломанной куклы. Её длинная коса волочилась по асфальту, разметая белую пыль от рухнувшей стены.

Перебегая на трамвайную остановку, Лера поймала себя на мысли, что думает про Катю, с которой вместе гасила зажигалки. Какая она молодчина! Не то что некоторые! Под некоторыми Лера подразумевала себя, потому что с детства боялась высоты, уколов и тёмного угла, в который папа иногда отправлял за баловство. Это называлось «уехать на Камчатку».

Уколов и крови Лера боялась настолько сильно, что после школы сразу поступила в медицинский институт, чтобы испытать народную мудрость «клин клином вышибают».

Папа решение одобрил:

– Умница, Лерочка, хорошо надумала. Какая бы власть ни была, а болезни – дело неискребимое. Хороший доктор дорого стоит.

То, что папа оценил её будущую профессию в деньгах, неприятно задело и Лера ответила ему неожиданно дерзко, зная, что доставит боль упоминанием запретной темы:

– Жалко, мамы нет, чтобы порадоваться.

Свою маму Лера помнила очень смутно, как сквозь тюлевый полог, но и те воспоминания проникали к ней только во сне. Просыпаясь, она пыталась вспомнить мамино лицо и тонкие пальцы, заплетающие ей косички, и не могла.

Расспрашивать отца было бесполезно, потому что он сразу хватался рукой за сердце, бросая короткое:

– Умерла.

В переполненный трамвай Лера не втиснулась и пошла пешком до следующей остановки, где обычно из вагона выходит много народу.

Вдоль тротуара беженцы катили тележку с вещами. Лера посторонилась, натолкнувшись глазами на застывшую фигуру в новенькой военной форме.

Солдат стоял у Троицкого собора и озирался по сторонам, словно в первый раз оказался в Ленинграде. Высокий, хорошо сложенный, с вещмешком за плечами и сдвинутой на ухо пилоткой.

«Приезжий», – равнодушно определила Лера и хотела пройти мимо, но что-то заставило её оглянуться.

– Олег?!

Конечно, Олег! Олежка Луковцев, вечный обитатель последней парты.

После школы он поступил в Институт путей сообщения. Получается, они не виделись три года.

Вспыхнув от радости, Лера повернула ему навстречу, но Олег убито смотрел сквозь неё пустыми глазами.

– Олег, ты что, не узнаёшь? Я Лера Гришина.

Олег медленно развернул к ней лицо, и его взгляд потеплел, как бывает, когда встречаешь близкого человека.

Первоклассниками они сидели вместе за одной партой, а в старших классах Олег ненадолго стал её тайной симпатией, пока они не разбежались по разным институтам.

По слухам, Олег давно не жил дома. Девчонки говорили, что он разругался с отчимом, а парни предполагали, что женился. Но Лера досужей болтовне не верила, потому что Олегов отчим души не чаял в пасынке, а про женитьбу наверняка знал бы весь квартал.

– Здравствуй, Лера. Не ожидал тебя здесь встретить. – Олег строил фразу безучастно, на одной ноте, выдающей затаённое горе.

Лера взяла его за рукав гимнастёрки, чувствуя, как сердце заколотилось от непонятого испуга:

– Олег, скажи, что случилось?

По его лицу пробежала судорога, а губы задрожали, хотя он старался говорить ровно:

– Я приехал, а дома нет. Разрушен прямым попаданием. Погибли мама, бабушка, сестра и даже кот.

Охнув, Лера прикрыла рот рукой – она и забыла, что Олежка жил возле школы на Лермонтовском проспекте, куда вчера попала бомба.

– Лера, ты помнишь нашего кота? Сибирский такой, пушистый? Он у нас был набалованный, сметану ел, а рыбу не любил. Мы с сестрой его на помойке нашли и домой притащили. «Зачем он рассказывает мне про кота?» – в панике подумала Лера.

Хотелось помочь, спасти, утешить, но говорить пустые слова казалось кощунством. Вместо этого она взяла Олега под руку и повлекла за собой:

– Пойдём к нам. У нас пообедаешь и помоешься. Я воды нагрееу.

Покорно сделав несколько шагов, он остановился:

– Нет, Лера, прости. Спасибо тебе. Поеду обратно в часть. Кстати, ты слышала – сегодня Гатчину сдали?

Круто развернувшись на каблуках, он пошагал в сторону. Лера по инерции несколько метров пробежала за ним, а потом села на скамейку и закрыла лицо руками.

* * *

10 сентября 1941 года.

Сводка происшествий по городу.

...Полностью было разрушено также пятиэтажное здание на Лермонтовском проспекте, 13. Удалось спасти 24 человека. 18 погибло. На пятом этаже этого дома среди готовых рухнуть обломков оказался годовалый ребенок. Бойцы 327-го участка МПВО

Ленинского района Ханин и Гардашник с риском для собственной жизни проникли в разбитую комнату и спасли малыша. В эту ночь на Кировский завод упало 627 зажигательных и 14 фугасных бомб. Бойцы МПВО и рабочие быстро ликвидировали последствия налета. Шестидесятилетний рабочий Г. И. Милинг не покинул своего поста на крыше даже после того, как был ранен в лицо осколком разорвавшейся поблизости фугасной бомбы. Обливаясь кровью, он погасил упавшую рядом зажигалку⁷.

* * *

В город змеёй стал заползать голод. Невидимый, неслышный, он оставлял тёмные следы на лицах людей, заполняя душу тоской, злобой или жалостью.

На мясные талоны отпускали яичный порошок, вместо сахара давали курагу, а крупу заменили маисовой мукой. С прилавков исчезли овощи, а о фруктах, даже местных яблоках, уже никто не вспоминал. И это в сентябре! Что же будет дальше?

Мысль о пропитании засела в головах людей, нагнетая обстановку тягостного ожидания.

Везде слышались разговоры о еде, нормах отпуска продуктов и о том, что в школах детей обещали кормить бесплатным обедом, а в столовых на предприятиях снабжение всё хуже и хуже, правда, иногда бывает суп не по талонам.

Стояние в очередях занимало большую часть времени. Отвешивая по граммам, продавцы работали медленно, но продукты заканчивались моментально, и приходилось ждать, когда придёт следующая машина, товар разгрузят и пустят в продажу.

С карточками в квартире разобрались коллективно, бегая в магазин по очереди: Катя, Вера и тётя Женя.

⁷ Буров А.В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1969.

Соседка Кузовкова решительно отказалась присоединиться к общему кошту. На Катину предложение она сощурила глаза, став похожей на старую хитрую лисицу, и фыркнула:

– Меня не проведёшь! От одной пайки щепотка да от другой кусочек, глядь, и на супчик наберётся. Ишь, умная какая приехала! Я тебя сразу раскусила!

– Как вам не стыдно так говорить! – чуть не со слезами закричала ей Катя. – Вы злая!

– Пусть злая, зато умная, – парировала Кузовкова.

Она победно прошествовала по коридору, жახнув дверью с такой силой, что маленькая Нина испугалась грохота и заплакала.

– Не обращай внимания, – успокоила тётя Женя, – Анька и смолоду змеёй была, а уж как её муж бросил – и вовсе сдурела. Ты думаешь, почему она так бесится? Ты ей поперёк дороги стоишь – она на Егора Андреевича глаз положила. Любовь, понимаешь, морковь.

От такой новости Катя остолбенела:

– Какая морковь, она же старая?

В ответ тётя Женя хмыкнула и сказала:

– Подрастёшь – узнаешь.

О том, что Гатчину заняли фашисты, Катя услышала в очереди в магазин, где отоваривала карточки. Свою – иждивенческую и рабочую – Егора Андреевича. На неё давали в два раза больше хлеба.

Витрины булочной на первом этаже жилого дома были заколочены фанерными щитами, а на двери висело написанное от руки объявление: «Хлеба нет». Из окна дома напротив прямо на очередь смотрело дуло пулемёта. Над трамвайной остановкой полоскалась туша аэростата. При порывах ветра натянутая верёвка издавала звук, похожий на шелканье метронома, и тогда чудилось, что работают два метронома – один на остановке, а второй в рупоре ретранслятора на стене у булочной.

Ровно в шесть часов утра звук метронома оборвался и голос диктора в ретрансляторе стал передавать новости:

«После тяжёлых, продолжительных боёв советские войска оставили Красногвардейск».

Сухопарая женщина в платке, завязанном концами назад, громко охнула:

– Как?! Гатчина?! Не может быть! У меня там мама!

Она повернулась лицом к очереди, которая змеилась чуть не до конца улицы, и обвела людей ошалевшим взглядом, словно ожидая, что кто-нибудь опровергнет сводки с фронтов.

Все молча пожимали плечами и отводили глаза. Отозвалась только крошечная старушка с вязаной кошёлкой в руках. Горестно закивав головой, она сказала:

– Спаси, Господи, люди Твоя!

Катя увидела, как губы многих дрогнули вслед за старушкой: «Спаси и сохрани!»

Гатчина! Там же Ольга! Добрая, доверчивая Ольга, которую обведёт вокруг пальца любой малыш. Красавица Ольга и разгуливающие по улицам фашисты мысленно сплетались в ужасную комбинацию. В отчаянии Катя закусилась костяшки пальцев. Оказаться среди врагов – что может быть страшнее? Пусть в Ленинграде голодно, с неба сыплются бомбы и стреляют пушки, но рядом родные, советские люди. Свои.

Время двигалось к десяти утра, а машина с хлебом не приходила. Пожилая женщина рядом с Катей в изнеможении прислонилась спиной к стене:

– Не могу больше, ноги не держат.

Ей никто не ответил, и она кульком опустилась на землю, оставшись сидеть на асфальте тёмной нахохленной птицей.

Кроме женщин в очереди стояло много детей и подростков. С покорным выражением на лицах они стояли как маленькие старички и молчали. Удивительно, но ни один ребёнок не пытался шуметь или баловаться. Их было особенно жаль, и Катя впервые подумала, что дети войны должны вырасти особенными людьми, отзывчивыми к чужой беде.

– Едет, едет! – прокатилось по очереди, когда из переулка вывернула серая полуторка, гружённая хлебными ящиками.

Толпа в нетерпении задвигалась, спрессовываясь ближе к входной двери.

– Занеси! – выкрикнул кто-то из ожидающих, и, подчиняясь команде, вверх взметнулись десятки рук, передавая по цепочке ящики с хлебом.

Катя тоже подставила руки под драгоценную тяжесть, всей грудью вдыхая тёплую волну запаха свежего хлеба. От витавшего в воздухе аромата оживлялись глаза и появлялись улыбки. Пролейся с неба золотой дождь – никто не заметит. Сейчас здесь царил хлебный дух, и Катя внезапно вспомнила о сухой корочке, которую засунула в карман на колокольне. Надо бы её достать и съесть, а крестик надеть.

Но по мере приближения к прилавку мысли менялись на предвкушение маленького пира, если продавщица к её пайке нарежет довесочек. Его можно будет засунуть за щеку и посмаковать приятную кислинку свежего мякиша.

По дороге домой Катя успела забежать в керосиновую лавку за мылом, а когда подошла к воротам, то увидела знакомый грузовик, который привозил песок.

Сергей?!

Сердце стукнуло и переместилось в пятки.

* * *

Хотя Кате захотелось побежать, она пошла медленно-медленно, словно к каждой ноге привязали по чугунной чушке. Пусть видят, что она девушка гордая, независимая и за парнями не бегаёт. Дойдя до плаката, призывающего помогать фронту, Катя остановилась и внимательно рассмотрела надетую на нарисованного бойца каску, а потом, чтобы протянуть время, прочитала надпись справа налево. Довольная собой, она повернула к дому, готовясь при виде Сергея невозмутимо пройти мимо, пока он не окликнет. Интересно, зачем он приехал? В прошлый раз приезжал за ящиками с бутылками. Сейчас ящиков нет.

Дверца машины была открыта – значит, шофёр во дворе. Катя вошла во двор и незаметно огляделась. Около бомбоубежища стояли тётя Женя и жиличка с верхнего этажа. На скамейке мальчишки играли в шашки. Девочка с куклой подмышкой рисовала мелом на асфальте. Егор Андреевич разговаривал с невысоким мужчиной в помятом костюме и серой кепке. Сергея нигде не было.

Катя остановилась и сделала вид, что копается сумке, но тут же устыдилась своей маленькой хитрости и подошла к Егору Андреевичу.

Тот обернулся:

– А, Катерина, хорошо, что пришла! Занеси сумку, быстренько соберись и езжай с шофёром за дровами. Я договорился, что нашему дому выделяют несколько кубометров. С трудом машину выбил, так что поторопись.

Поехать с Сергеем за дровами?!

Катя вспыхнула и бегом метнулась домой.

Платье надо переодеть. Спасибо, Вера подарила своё старое. Сверху кофту – на улице прохладно. Кинув быстрый взгляд в зеркало, она провела расчёской по волосам, скорчила рожицу и вылетела на улицу:

– Я готова, Егор Андреевич!

– Вот и ладненько. Бери мальчишек на подмогу. – Сложив ладонь дощечкой, Егор Андреевич указал на мужчину: – Иди с шофёром, он тебе всё объяснит.

– С каким шофёром? – не сразу поняла Катя, ища глазами Сергея.

– Как это – с каким? Ты что, в очереди перестояла? – рассердился Егор Андреевич. – Вот шофёр, вот машина, вот наряд на дрова.

– А где Сергей? – помимо воли вырвалось у Кати.

Шофёр виновато развёл руками:

– Призвали Сергея. Теперь он у нас в автопарке не работает.

Машина долго петляла по улицам, частично перекрытым баррикадами из мешков с песком. Катя сидела с шофёром, а в кузове устроилось двое мальчишек – Коля и Витя, важно называющий себя Витян.

Около мостика со сфинксами их застал обстрел, и пришлось ехать в объезд. Постепенно каменные дома сменились на деревянные с пылающими кустами георгинов в палисадниках. Через месяц-другой землю занесёт снег, а война всё не заканчивается и не заканчивается.

Дровяной склад располагался около железной дороги, где на рельсах, как спичечные коробки, были рассыпаны искорёженные вагоны. Везде виднелись следы недавней бомбёжки, а из одного вагона тянулся шлейф вонючего дыма.

– Удобрение горит, – пояснил шофёр, затормозив около штабеля дров, вздымавшегося деревянной стеной. – Дрова тоже раздают, чтобы пожара не было. Сама видишь, если здесь полыхнёт, то в Кронштадте увидят.

У дровяных терриконов стояли грузовики и слышался дробный перестук падающих в кузов поленьев.

Развернув машину бортом, шофёр лихо скомандовал: «Налетай, подешевело!» – и мальчишки озорными петрушками выскочили из кузова.

Забрасывая поленья, Катя вспоминала, как они с мамой набивали дровами дровяник. Учителям сельсовет выписывал дрова бесплатно, и привозили их не на грузовике, а на подводе, запряжённой меланхоличной лошастью Крупкой. Катя отрезала большой ломоть хлеба, добела посыпала его солью и давала Крупке с ладони, зажмуриваясь от весёлого испуга. Пожевать бы сейчас того хлебушка! Сглотнув голодную слюну, Катя набрала новую охапку.

Теперь нет ни мамы, ни Крупки, ни деревни, а есть только война, в которой надо обязательно победить. Словно целясь в фашиста, Катя зашвырнула полено с такой яростью, что то едва не проломило кузов.

– Потише там, не балуйте! – высунулся шофёр.

Машина быстро наполнилась дровами, и обратно ехали в кабине вчетвером – в тесноте, да не в обиде. Чтобы проскочить до обстрела, шофёр гнал машину на полном газу, но всё-таки опоздал. Орудийные залпы грянули одновременно, гулом отдаваясь в ушах. Били по центру.

Размеренно, точно, с немецкой аккуратностью в интервалах.

Штурм Ленинграда продолжался.

Снаряд просвистел в нескольких метрах от капота, с грохотом шарахнув в кирпичную стену дома. Машину качнуло, как на ухабе.

Широко раскрыв глаза, Катя видела, как по улицам в разные стороны бегут люди. Женщина несла девочку-подростка, которая безвольно лежала у неё на руках. Подтягиваясь на костылях, торопился в укрытие мальчишка с перебинтованной ногой в шерстяном носке. На углу дома, не убегая, стояли две девушки-сандружинницы Катиного возраста. Прикрыв уши руками, они вздрагивали, но не уходили.

– Бьёт и бьёт, проклятый, – бормотал шофёр, выворачивая баранку, – я бы гадов голыми руками давил. Просился на фронт – не берут, у меня одна нога короче другой, а шофёры и автопарку нужны. Повезло Серёге, что его в автобат призвали.

– А что такое автобат? – быстро спросила Катя.

– Автомобильный батальон. Будет грузы на передовую доставлять. Опасное, я тебе скажу, дело, особенно если под обстрелом снаряды возишь. Это тебе, девушка, не дрова, понимаешь!

На Катю будто сверху груз навалился: Ольга в оккупации, Сергей на фронте, ребята из её класса наверняка воюют, может быть, в партизанах. А она?

Наутро Катя пошла напрямик в военкомат и встала в длинную очередь с твёрдым намерением остаться здесь до победного конца. Пусть хоть голиком выгоняют, хоть под руки выводят. Все воюют, а она ничуть не хуже.

Но на её удивление, долго ждать не пришлось. Из кабинета в глубине коридора вышла светловолосая женщина в военной форме и громко объявила:

– Девушек попрошу подойти ко мне!

Толкотня в военкомате стояла невероятная, как в трамвае в час пик. Некоторым посчастливилось занять место на узкой скамейке вдоль стены, а остальные стояли гуртом около кабинета военкома. Пожилые ждали приёма спокойно, отрешённо, а молодёжь веселилась и переглядывалась.

Когда вызвали девушек, Катина соседка по очереди с русой косою порывисто обернулась и схватила её за руку:

– Пойдём скорее!

Раздвигая толпу, они подбежали к женщине, около которой уже стояли несколько девушек.

Женщина обвела их глазами:

– Все собрались? Документы с собой? Пройдёте со мной.

Она выглядела как учительница: гладко причёсанная, подтянутая, со спокойным взглядом больших карих глаз. Ото рта вниз бежали две морщинки, и Катя подумала, что в мирное время эта женщина, наверное, была смешливой и улыбчивой.

Робея – как бы не выгнали, Катя шагнула в кабинет вместе с другими девушками и оказалась первой прямо напротив стола, за который села женщина.

– Городу нужны бойцы МПВО⁸, – сказала женщина. – Я вижу, что вы все девушки взрослые, поэтому возьму всех, подавайте документы. С этой минуты вы считаетесь мобилизованными.

Бойцы МПВО! Катя не верила своим ушам. Чтобы убедиться, что это не сон, она крепко сжала кулаки – на тот момент её самой сладкой мечтой было стать девушкой из МПВО. Нет, положительно, мир устроен правильно, и если желание очень сильное, то оно обязательно сбывается.

Слова о мобилизации звучали как музыка, долго не умолкая внутри Кати, когда она бежала домой похвастаться Егору Андреевичу. Больше всего сейчас она боялась попасть под бомбёжку – ведь если убьёт, то она не сможет защитить Родину.

Знал бы Сергей, с которым она бултыхалась в подвале, что теперь она тоже мобилизована и завтра с самого утра пойдёт на краткосрочные курсы, а уже через неделю выйдет на первое дежурство. Знала бы Ольга!

Вспомнив об Ольге, Катя замедлила шаг и вздохнула.

* * *

Основной состав бойцов МПВО в годы блокады составляли девушки. Бойцы МПВО вели спасательные работы в очагах поражения, разбирали завалы, контролировали светомаскировку, тушили зажигательные бомбы, обезвреживали неразорвавшиеся боеприпасы, спасали детей, оставшихся без родителей, производили строительство и ремонт защитных сооружений,

⁸ Местная противовоздушная оборона (МПВО) – система оборонных мероприятий по противовоздушной обороне, осуществлявшихся местными органами власти под руководством военных организаций, направленных на защиту населения и народного хозяйства от нападения врага с воздуха и ликвидацию последствий осуществлённых ударов.

заготавливали топливо, оказывали помощь пострадавшим и занимались погребением убитых и умерших.

Потери личного состава МПВО – 4577 человек, большая часть которых умерла от дистрофии⁹.

* * *

Внутренне сжавшись в комочек, Ольга прикинула к забору и сквозь щёлочку посмотрела на знакомую улицу. Деревянные дома вдоль дороги, кусты сирени у ворот, горшки с геранью на окнах, дымятся печные трубы. И фашисты. Кругом, куда ни глянь.

Их было много, как крыс. В серой форме, уверенные, наглые, фашисты вели себя хозяйски. От их резких криков, похожих на лай цепных псов, у Ольги начали дрожать ноги и кружиться голова.

С тархтеньем мимо дома промчалась колонна мотоциклистов в глубоких шлемах и очках, закрывавших лицо. Один солдат, отстав от строя, справил малую нужду на соседскую клумбу. Смотреть на это было стыдно. Ольга зажмурилась, чувствуя под ресницами закипающие слёзы. И почему только она не послушалась Катю и не пошла с ней в Ленинград? Катя умная, храбрая, а она, Ольга, трусиха и неумёха.

Ольга не слышала, как сзади к ней подошла тётя Дуся и резко дёрнула за руку:

– Сдурела у забора стоять? А если они войдут?

Ольга побледнела. Тётя Дуся посмотрела на неё страшными глазами, как на похоронах близкого человека.

– Тётечка Дусечка... – начала оправдываться Оля, но тётя Дуся её перебила:

– Марш домой, возьми сажу из печки и размажь по лбу, а ещё достань из сундука всякой рванины, чтобы одеться пострашней, да не забудь вместо туфель напялить мои старые боты.

Угадав причину тёти-Дусинога страха, Оля затряслась как осиновый лист. Сама она никогда не придавала значения своей красоте, и в деревне ребята обращались с ней уважительно, не приставали, а немцы... Они же нелюди.

Раздавшаяся пулемётная очередь заставила Олю снова посмотреть в щель. У дороги заливалась кровью мирная собака Пальма, принадлежавшая семье цыган. За всю свою собачью жизнь Пальма ни разу ни на кого не тявкнула, одинаково радостно виляя хвостом и врагам, и недругам.

– И нас они могут пристрелить, как Пальму, – сказала тётя Дуся. – Беги в дом, дурёха, и не высовывайся да моли Бога, чтоб тебя не заметили.

Пряча лицо в ладони, Оля вбежала на крыльцо, вихрем пронеслась до своего угла, рухнула лицом в подушки и зарыдала от бессилия.

* * *

В октябре ленинградские окна обросли жестяными печными трубами. Отопления не было, и буржуйки клепались из любых подручных средств. Большой удачей считалось достать железную бочку или огромный молочный бидон, в каких в мирное время возили разливное молоко. В одном доме Катя видела, как хозяйка разводят костёр прямо на паркетном полу, положив на него лист железа. Жильцы, имеющие дома камин, покупали буржуйки ради экономии дров. Повезло тем, у кого сохранились кухонные печи.

⁹ gov. spb. ru. Официальный сайт Правительства Санкт-Петербурга. Территориальный отдел (по Красногвардейскому району) Управления гражданской защиты ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу.

Конец октября ознаменовался сильными обстрелами, новым снижением норм хлеба и разросшимся в размерах голодом. До войны Катя думала, что от голода худеют, но оказалось, что некоторые пухнут. Это было особенно страшно и непонятно.

Хотя еда всё время витала в мыслях, Катя старалась не обращать внимания на голод, не дать ему себя сломить. Подумаешь, жидкий суп с несколькими крупинками пшена или котлеты из листьев капусты – главное, что теперь она боец МПВО.

Районное подразделение МПВО базировалось в здании бывшего детского садика. В музыкальном зале рядами стояли железные койки, а одна из комнат была переоборудована под штаб, склад и столовую одновременно.

Обучение заняло одну неделю занятий с утра до вечера, а потом девушек поставили на дежурство – патрулировать указанные кварталы. Пусть выданная форма болталась как на вешалке, зато на боку висели противогаз и санитарная сумка, а на рукаве крепко держалась красная повязка.

Боевое крещение Катя приняла в первое дежурство во время артобстрела, когда они с напарницей Леной вышли на работу. Их смена началась в восемнадцать ноль-ноль вместе с частыми ударами метронома. Зависший над кварталом вой сирены перебивался грохотом выстрелов и стрёкотом зенитных батарей. Потемневшее небо перерезали яркие лучи прожекторов. Заметив вражеский самолёт, лучи скрещивались, брали его в перекрестье и вели, пока не подлетали советские истребители. Накрапывал дождь. Шагая по тротуару, Катя старалась обходить лужи, чтобы не намочить сапоги. Буржуйка в казарме одна, а желающих обсушить вещи много.

Снаряд жажнул внезапно, с силой пробив насквозь стенку трёхэтажного дома. На асфальт дробно вылетели стёкла, закричали женщины, и Катя увидела, как Лена медленно поднесла руку к виску и осела на землю. До войны Лена училась в консерватории, и пальцы у неё были длинные, тонкие. Между ними струйкой стекала кровь, заливая плечо стёганой фуфайки.

– Лена!

Сглотнув, Катя распахнула сумку и достала скатку бинта:

– Сейчас, Леночка, ты только не умирай!

Пока она сделала один виток бинта, глаза Лены остекленели, невидяще глядя в небо, исполосованное лучами прожекторов. Не решаясь оставить Лену, Катя прижала к себе её голову, но тут раздался новый взрыв и дом на противоположной стороне улицы медленно сложился в гармошку. Началась бомбардировка.

Оставив Лену, Катя побежала на место дымящихся развалин, укрытых столбом пыли. С другого конца улицы навстречу ей тоже бежали люди.

Под обломками истошно визжал ребёнок. Обдирая руки, Катя вцепилась в кусок бетона, ей на помощь пришёл седобородый старик в длинном пальто. Вдвоём они отвалили камень, и Катя сразу схватила малыша в охапку. Он конвульсивно вздрагивал, таращил глаза, но был жив, хотя одна ручка висела плетью.

Перехватив конец бинта зубами, Катя несколькими движениями примотала перелом к найденной дощечке. Ребёнок снова начал кричать. Она отдала его в чьи-то руки и кинулась к лежащему на земле старику. И снова перевязка, неясное бормотание, плач.

Снаряды барабанили слева и справа. Катя их не боялась, она вообще ничего не чувствовала, но, слыша раскат выстрела, наклонялась и прикрывала раненого своим телом, а если понадобилось, то не задумываясь отдала бы за него свою жизнь. Не потому что она его любила, а потому что так надо, и это «надо» сейчас было самым главным на свете.

* * *

Пленный ефрейтор 1-й батареи 768-го артдивизиона Вилли Беккер на Нюрнбергском процессе говорил: «...задача дивизиона состояла в обстреле Ленинграда. Когда я прибыл в дивизион, командир батареи мне сказал: «Ваша задача – уничтожение Ленинграда». Мы точно знали, что в Ленинграде много гражданского населения, по нему мы и стреляли. У нас вошло в обычай, когда стреляли по городу Ленинграду, говорить так: «Это привет Ленинграду». На нашей батарее два орудия так и назывались – «Ленинград»».

Фриц Кепке, фельдфебель, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка, заявил:

«Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся сверх лимита в неограниченном количестве...

...Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Стреляя по городу, солдаты и офицеры сопровождали выстрелы выкриками, вроде следующих: “Привет большевикам!”, “Эх, посмотреть бы, как рушится квартал!”, “Ещё куча трупов!”, “А ну, давай фарш!”»

Пленный Ловнен Рудольф из 9-й батареи 240-го артполка 170-й пехотной дивизии на допросе показал:

«Артбатареи 240-го артполка вели огонь по Ленинграду утром, часов в 8–9, днем с 11 до 12 часов, вечером наиболее интенсивно с 17 до 18 часов и затем с 20 до 22 часов одиночными выстрелами. Основная задача была – обстрел жилых зданий и истребление жителей Ленинграда, поэтому мы вели огонь в то время, когда на улицах города было наибольшее скопление жителей»¹⁰.

* * *

В увольнение Катю отпустили на три часа. Времени в обрез – сбегать проведать Егора Андреевича и обратно. Когда она видела его в последний раз, он очень похудел и стал похож на хищную птицу с огромным клювом и печальными мудрыми глазами.

Для гостинца Катя припасла тоненький ломтик хлеба, сэкономленный от обеда. Так делали почти все девушки из местных, полностью съедали свой паёк только приезжие. Заворачивая сухарик в чистую бумажку, Катя вдруг с нежностью подумала, что считает себя ленинградской, а дом Егора Андреевича своим единственным домом.

Она представила, как придёт на кухню и развернёт свёрток с кусочком хлеба. То-то будет радости. А для Нины с Ваней она спрятала две карамельки, выданные вчера к чаю вместо сахара. А ещё выдавали дольки шоколада. Они таяли во рту, оставляя на языке долгое ощущение невыразимой сладости. Какая она была дурочка, что до войны не любила шоколад. Однажды даже скормила шоколадную плитку колхозному борову Борьке. Прошлой ночью приснилась шоколадка, глупо потраченная на Борьку, и Катя проснулась от чувства невыносимой потери.

Домой удалось добраться без обстрелов. Ноябрь звенел под каблуками лёгким морозцем на застывших лужах. Вчера было седьмое ноября, и по радио рассказывали про парад на

¹⁰ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7 т. М., 1961.

Красной площади. Девушки в казарме слушали, сгрудившись у радиоточки. Серьёзные лица, застывшие слёзы и гордость в глазах. Катя подумала, что этот парад останется в памяти людей самым торжественным и скорбным из всех парадов, которых обязательно будет ещё много, очень много.

На лестнице она встретила соседку из квартиры напротив. Бывшая балерина куталась в тёплый платок, и её бледное лицо с голубоватыми тенями под глазами выглядело нарисованным на пожелтевшем пергаменте. Катя поздоровалась.

– Что, похудела? – с кашлем спросила балерина. Ответа она не ждала, а прислонившись к стене запрокинула голову вверх и засмеялась. – Всю жизнь я просидела на диете, и, спрашивается, зачем? Чтобы околоть от голода? Ирония судьбы, как любил говорить наш балетмейстер. Я слышала, что он уже умер.

Гремя помойным ведром, балерина пошла вниз, а Катя нетерпеливо застучала кулаком в дверь, потому что электричество подавали с перебоями и звонок не работал.

В квартиру ещё не пробрался ледяной холод, но уже ощущалась сырая мозглость спёртого воздуха. Тёмным коридором Катя прошла в кухню, откуда слышались голоса соседей. Тётя Женя топила плиту, Нина и Ваня рисовали, пристроив табуретку вместо столика. Вера и Егор Андреевич на работе, поняла Катя, а Кузовкина сидит за запертой дверью и строчит на швейной машинке.

– А твой-то приходил, – многозначительно сказала тётя Женя.

Большим кухонным ножом она строгала полено на растопку. Потрескивание щепок на миг напомнило Кате родной дом в Новинке и уютные осенние вечера, когда они с мамой топили печку, слушая завывание ветра за окном.

– Кто мой? – не поняла она.

– Да парень тот, шофёр, что ящики забирал. Посидел у нас во дворе на лавочке, поговорил с мальчишками и ушёл.

– Ушёл? И не сказал куда? – спросила Катя, не сумев скрыть отчаяние в голосе.

Тётя Жена поворошила кочергой в топке:

– Кому же он будет докладывать? Дело военное. Он с Генкой из шестой квартиры разговаривал. Хочешь – сбегай, спроси.

– Больно надо, подумаешь, – сказала Катя как можно беспечнее. – Тётя Женя, я тут вам кое-какие продукты подкопила в общий котёл – возьмите.

Отбросив кочергу, тётя Женя выпрямилась:

– Тебе самой, Катька, нормально питаться надо, но ради ребятишек возьму, – она кивнула головой на детей и понизила голос: – Ниночка всегда ела мало, а Ванюшка стал совсем прозрачным. Всё время есть просит. Ты думаешь, что они сейчас рисуют? Пойди погляди.

Катя подошла ближе. На тетрадных листах в клеточку дымились тарелки с супом и стояли чайные чашки. С большого блюда тарасилась пучеглазая рыба с красной чешуёй и синим хвостом.

– Красиво, тётя Катя? – тоненько спросил Ваня, разукрашивая жёлтое яблоко.

– Очень. – Сглотнув ком в горле, Катя положила руку ему на макушку. – Я вам карамелек принесла.

– Правда?!

Когда Катя доставала из кармана две конфетки, то её рука дрогнула. Девушка подумала, что сразу после войны пойдёт в магазин и купит Ване и Нине огромный кулёк конфет и в придачу ещё пряников. Ленинградские дети заслуживают гору сладостей.

«Не буду разыскивать Генку, – решила Катя, – мало ли зачем Сергей заглядывал. Может, просто шёл мимо. Двор общественный – сиди кто хочешь. И вообще, нечего в войну шуры-муры разводить».

Заглянув в комнату, она побежала в конторку к Егору Андреевичу, но по пути всё же осмотрела двор в поисках Генки. Само собой, специально его разыскивать она не станет, но если он попадётся на глаза, то почему бы мимоходом не спросить про Сергея? Мало ли, вдруг он по делу приходил?

Егор Андреевич сидел за столом и перебирал стопку заявок. Его широкие рабочие руки неловко держали листок бумаги за уголок, а сам Егор Андреевич шурился сквозь очки, сиюсь разобрать написанное.

– Катерина пришла! – На его губах расцвела улыбка, подчеркнутая худобу лица. – Иди, милая, прочитай мне, что там написано. Больно мелко, ни буквы разобрать не могу.

Стесняясь проявить нежность, Катя положила руку на плечо Егора Андреевича и взяла записку.

– Пишут из четвёртой квартиры, – она нахмурилась, – просят выделить дополнительные талоны на хлеб для ребёнка. Мальчик тяжело болен, и ему нужно усиленное питание.

Обхватив голову двумя руками, Егор Андреевич испустил стон:

– Нет у меня дополнительных продуктовых карточек! И питания лишнего нет. Читай другую записку.

Он раскинул записки веером, и Катя наугад взяла следующую:

– В двадцатой квартире просят выделить досок на гроб для гражданки Евсеевой, поскольку у неё нет родственников.

Плечи Егора Андреевича тяжело ссутулились:

– Померла, значит, Ильинична. Царствие ей Небесное. Сам похороню.

Сложив пальцы щепотью, Егор Андреевич перекрестился, безмерно удивив этим жестом Катю.

Он словно бы понял ход её мыслей и грустно качнул головой:

– Что, думаешь, раз в начальниках при советской власти хожу, так, значит, и в Бога не верую? – Он вздохнул. – Может, и не верую, но в тяжёлую годину без Бога никак нельзя. Да и в последний путь человека без креста отправить не по-христиански, а старушка Ильинична очень верующей была.

Чтобы скрыть чувства, Егор Андреевич взял в руки заявки, но не читал. Сидел и смотрел на стену, по которой ползла тень от светомаскировки, а потом сказал:

– Умирать народ с голоду начал. Чую, скоро и за мной смерть придёт. Ну да я безносой не дамся, а то на кого народ брошу? На Веру, что ли? Так она хоть и грамотная, да совсем непрактичная. Ей в библиотеке самое место, а здесь надо норы иметь, иной раз ведь и кулаком приходится стукнуть.

Наступал вечер, и Кате пришла пора возвращаться.

– Я побегу, Егор Андреевич, мне на дежурство. – Ей хотелось сказать ему что-нибудь ласковое, но слова не шли, поэтому она просто чмокнула его в щеку, обросшую жёсткой щетиной.

Пересекая двор, Катя остановилась у скамейки и на минутку присела, зябко передёрнув плечами. Где-то вдали, в другом квартале надсадно выла сирена и гремели разрывы снарядов, наступала обычная ленинградская ночь, в которой многие не доживут до рассвета.

– Катя, привет! – Она обернулась на мальчишеский голос и встретилась глазами с Генкой. Тот смотрел на неё, не скрывая восхищения. – Везёт тебе, в МПВО взяли. Я тоже ходил, говорят – малолетка. Как зажигалки тушить, так взрослый, а воевать – так малолетка. – На его худом лице собирались старческие морщины, но голос звучал весело. – К тебе тут шофер приходил.

– Да? – Позабыв про сдержанность, Катя вспыхнула. – И что хотел?

– Не знаю, – Генка пожал плечами, – он не сказал. Сказал только, что живёт отсюда неподалёку. Через две улицы серый дом.

– Ну и пусть живёт. Мне до него дела нет.

Вскочив, Катя поправила медицинскую сумку и размашисто пошагала прочь, в мозглую блокадную тьму.

* * *

Всего в канун праздника 7 ноября на город упало более 100 бомб весом от 50 до 1000 килограммов. Среди них были впервые сброшены на Ленинград бомбы замедленного действия с часовыми механизмами и противосъёмными приспособлениями. Попытка вынести и разрядить одну такую бомбу закончилась трагически. Она разорвалась, убив 5 и тяжело ранив 8 бойцов МПВО. Но из другой бомбы инженер А. Н. Ханукаев всё же извлёк часовой механизм. Ценой невероятного нервного напряжения удалось ему предотвратить взрыв и разобрать в устройстве взрывателя подобного типа¹¹.

* * *

Проводив Катю, Егор Андреевич встал и, шаркая ногами, подошёл к шкафу, где лежал кусочек сухаря. Он ел его третий день, по крошкам бросая в кипяток. Пережжённая корочка придавала кипятку цвет настоящего чая, и можно было думать, что одновременно и попил, и поел.

От бессилия, что во вверенном ему хозяйстве начали умирать люди, Егору Андреевичу хотелось крушить кулаком стены. Была у него когда-то такая сила в руках, пока голод его крючком не согнул. Взять хотя бы Евсееву – на редкость крепенькая была старушка. Егор Андреевич вспомнил, как она въезжала в дом, дай Бог памяти, лет пятнадцать назад. На подводе, запряжённой сивой кобылой, плашмя лежал шкаф, на шкафу полосатый тюфяк, а на тюфяке сидела кругленькая женщина с фикусом в руках. Всем, кто встречался ей на пути, Евсеева кивала головой с таким усердием, что колыхались листья фикуса, и сообщала, что её зовут Полина Ильинична.

А когда началась война, Евсеева принесла в домоуправление две пары валенок:

– Егор Андреевич, отдай кому-нибудь из эвакуированных. Им нужнее. По Гражданской войне помню, что эвакуация хуже пожара. Сама без оглядки бежала, когда в нашу волость петлюровцы пришли.

Егор Андреевич протяжно вздохнул, выдавливая воздух из слипшихся лёгких:

– Эх, Ильинична, Ильинична, теперь ты эвакуировалась на тот свет. Там примут в чём есть.

Отхлёбывая из стакана буроватую жижу, Егор Андреевич вдруг почувствовал себя очень старым. Тяжело хоронить однолеток. А молодых ещё труднее.

Он снова отошёл к столу. После горячего кипятка наваливалась дремота. Сколько он уже не спал? Пожалуй, вторые сутки.

Вчера целый день гремела тревога за тревогой. Ночью он с фонариком ходил проверять посты на крыше, а сегодня с самого утра наведаясь в ЖЭК заполнить данные на продуктовые карточки и договориться насчёт вывоза металлолома. У ленинградских заводов заканчивалось сырьё для производства оружия, и Ленгорисполком дал задание жилуправлениям повсеместно организовать сбор металлолома.

Цепочку размышлений прервал осторожный стук в дверь:

– Егор Андреевич, к вам можно?

¹¹ Буров А.В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1969.

– Заходите.

Когда в приоткрывшуюся дверь с улыбочкой вошёл Гришин, Егор Андреевич обратил внимание, что Михаил Михайлович совершенно не похудел и не опух, а выглядит свежим, можно даже сказать, отдохнувшим. Кожа не землистая, как у большинства ленинградцев, и ступает уверенно.

– Слушаю вас, товарищ Гришин.

Михаил Михайлович с осторожностью переместил тело на стул и достал из кармана бумажку:

– Вот я тут заявочку принёс на ремонт окна. Очень прошу, поспособствуйте, товарищ управхоз. – Гришин крестообразно сложил руки и прижал их к груди. – Дежурные вчера зажали галку с крыши скинули и прямо мне в окно. Все стёкла выбиты. Диван подпалили. Это не по-советски. Теперь вы должны прислать мне плотника, чтобы он стёклышки вставил за счёт ЖЭКа. Я человек одинокий, немощный, может, одной ногой в могиле стою, – положив листок на стол, он прижал его ладонью и стал продвигать в сторону Егора Андреевича, елеяно поглядывая ему в глаза. – Так исполните заявочку?

К лицу Егора Андреевича прилилась волна гнева. Едва сдерживаясь, он окинул взглядом благообразное лицо Гришина и отчеканил:

– Забейте своё окно фанерой, товарищ Гришин, или подушкой заткните, а у меня, знаете ли, война на дворе – не до стёкол.

Наверное, он перебрал с криком, потому что Гришин вздрогнул и скукожился.

– Понял, я всё понял, не обессудьте. Это я так, не подумав. По старой памяти, как к советской власти.

Привстав со стула, он стал пятиться спиной, пока не вышел за дверь конторки.

«Противный тип», – подумал Егор Андреевич, но тут же забыл о Гришине, потому что сигнал метронома сорвался в галоп и диктор тревожно сообщил: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

* * *

Пару валенок, принесённых Евсеевой, Егор Андреевич отдал беженке в квартире Гришиных.

На стук открыл сам Гришин в длинном стёганом халате до пят и с книгой в руке.

При виде Егора Андреевича его глаза приобрели масляное выражение:

– Егор Андреевич, счастлив, так сказать, созерцать! Неужели насчёт заявочки на стёклышки? Я уж и не надеялся.

– Нет, к соседке вашей, Алевтине Бочкарёвой.

– Так вам дальше по коридору.

Наклонившись в полупоклоне, Михаил Михайлович исчез за дверью, успев пожаловаться:

– А я, знаете, всё один да один. Лерочка перешла в институт на казарменное. Совсем меня, старика, забыла.

Переселенка жила в маленькой комнате с подслеповатым окошком под потолком. Невысокая женщина с белёсыми ресницами прижала валенки к груди и расплакалась:

– Спаси, Господи. У нас ведь нет ничего. Меня и дочек с окраины города на последней машине под обстрелом вывезли. Мы за Кировским заводом жили, где сейчас линия фронта. Выскочили в одних платишках. Поклон добрым людям – одели нас с миру по нитке, а вот с обувкой совсем плохо, и купить не на что: весь доход – аттестат мужа и три иждивенческие карточки. На работу не устроиться, да и детей оставить не на кого.

Посторонившись, она указала Егору Андреевичу на двух девочек, тихими мышками прижавшихся к барабану буржуйки. Одной на вид было года три, а вторая и вовсе кроха, только научившаяся ходить.

Егор Андреевич тяжело вздохнул, переживая боль в сердце:

– Дрова где берёте?

Женщина испуганно подняла глаза:

– На развалинах ищу. Вчера тумбочку из разбомблённого дома принесла и охапку книг. Вы не думайте, товарищ управхоз, я общественными дровами не пользуюсь, знаю, что они для бомбоубежища.

– Бери дрова, товарищ Бочкарёва, – сказал Егор Андреевич. – А если кто начнёт препятствовать, скажи – управхоз разрешил из резервного фонда, в порядке исключения. – В поисках гостинца для малышей он засунул руку глубоко в карман, хотя знал, что там пусто. Но вдруг произошло чудо, и его пальцы выпростали завалившийся за подкладку ломтик сушеного яблока. Неловко улыбаясь, он протянул его женщине: – Рад бы угостить девчушек, да нечем.

Вынимая прозрачный кусочек из его пальцев, Алевтина резко наклонилась и поцеловала сухую жилистую руку со вспухшими венами.

У Егора Ивановича задрожал подбородок.

– Что ты, что ты, Алевтина. – Он хотел сказать что-нибудь подбадривающее, но горло перехватило спазмом. Он смущённо взмахнул рукой, словно разгоняя тоску. Эх, подлая война... Молча развернулся и вышел, тяжело переступая на негнущихся ногах.

* * *

Кировский завод (бывший Путиловский) в годы блокады оказался на переднем крае обороны Ленинграда. Практически на глазах у противника, в трёх километрах от линии фронта, под непрерывными обстрелами и бомбёжками завод продолжал выпускать боевую технику – танки, самоходные артиллерийские установки, корпуса для снарядов.

* * *

Рано в этом году пришла зима. Середина ноября, а холод пробирается под фуфайку и морозит щёки. Электричества нет, топлива нет, водопровод и канализация не работают.

Истощённому человеку стужа – смертельный враг, поэтому всё чаще и чаще на улицах появлялись люди, тянущие за собой саночки с завёрнутым в простыню покойником. Катя и сама несколько раз тянула такие саночки, выполняя задание МПВО вынести из дома покойника. А на прошлой неделе её вместе с несколькими девочками направили разбирать на дрова деревянные дома на северной окраине.

Обратно в казарму брёвна и доски волочили на себе, цугом впрягшись в старую повозку на резиновом ходу. Грязные, мокрые, усталые, голодные, но живые.

После дров пятерым девушкам дали увольнительную до десяти часов вечера, и Катины ноги не послушались разума, пронеся её мимо серого дома, в котором, по словам Генки, жил Сергей.

День клонился к вечеру, натягивая на небо маскировочную сетку, сотканную из серых сумерек с тушами аэростатов. Подняв голову, Катя увидела самолёты.

«Мессершмиттов» она насчитала пятнадцать, а наших самолётов всего семь. Сердце тревожно сжалось. Казалось, что чёрная свора неизбежно превратит наши истребители в крошево. Но они построились в круг и начали медленно вращаться, прикрывая один другого. Фашисты

тоже построились в круг, в два раза больший, и двинулись в противоположном направлении. Не в силах оторвать глаз от этой смертельной карусели, Катя прошла несколько шагов вперёд, споткнулась и упала. Пока она поднималась, немецкие самолёты разом набрали высоту и улетели, а из облака вынырнуло несколько советских истребителей, подоспевших на помощь.

Катя перевела дух – бомбёжка ненадолго откладывалась. Но скоро стервятники снова прилетят и в городе вспыхнут пожары.

Почему в небе безраздельно властвуют фашисты и огромный Ленинград прикрывает лишь горстка отчаянных смельчаков, Катя понять не могла. Перед войной она со всей страной распевала марш авиации «Нам Сталин дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор» и была твёрдо уверена, что советская авиация шутя справится с любым врагом. Но пришла война, наши войска несут огромные потери, фашисты подбираются к Кавказу, Ленинград в осаде, идёт битва за Москву, и никто уже не заговаривает о близком конце войны.

Дом Сергея она нашла, когда свернула за угол. Сначала думала на соседний, но Генка ясно сказал «серый», а других серых домов не виднелось. Тьма на улице быстро сгущалась, не позволяя рассмотреть лепнину вдоль крыши, искрошенную разрывом снаряда.

Передвигаться приходилось почти наугад, ориентируясь на светящиеся кружки на пальто прохожих. Деревянные брошки, намазанные фосфором, пользовались большим спросом, поэтому по вечерам казалось, что по улицам бродят призраки с единственным зеленоватым глазом в области груди.

Снова завывла воздушная тревога, и Катя ускорила шаг, задев плечом незнакомую женщину.

– Извините.

Она собиралась пройти мимо, но женщина вцепилась руками в Катин ватник и лихорадочно забормотала:

– Послушайте, послушайте, это про нас, ленинградцев. – Откинув назад голову, укутанную в вязаный платок, она продекламовала:

Покуда небо сумрачное меркнет,
мой дальний друг, прислушайся, поверь.
Клянусь тебе, клянусь, что мы бессмертны,
мы, смертью попирающие смерть¹².

Стихи звучали, как точно отлитые пули, бьющие прямо в цель.

У Кати вырвалось:

– Чьи это стихи?

– Моей знакомой Ольги Берггольц, – сказала женщина. – Вы, наверное, слышали её по радио.

– Конечно, слышала! – с жаром воскликнула Катя, воображая, как расскажет девушкам, что случайно встретила знакомую самой Ольги Берггольц, чьи стихи записывают в тетради и заучивают наизусть.

Катя хотела расспросить женщину подробнее, но та отпустила её ватник и побрела дальше, пошатываясь на каждом шагу.

«Умрёт скоро и станет бессмертной, как в стихах», – с горечью подумала Катя, глядя ей вслед. Смерть в Ленинграде успела стать делом обыденным, и помочь всем представлялось невозможным.

Но что-то её будто в сердце толкнуло.

¹² Ольга Берггольц. «Покуда небо сумрачное меркнет».

– Пойдите, подождите! – Скользя сапогами по наледи, Катя догнала незнакомку и взяла её под руку. – Пойдёмте, я вас провожу.

* * *

Нормы выдачи хлеба с 20 ноября по 25 декабря 1941 года: рабочим – 250 граммов; служащим и членам их семей – 125 граммов; личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии – 300 граммов.

* * *

Женщина шла рядом с Катей покорно, как маленькая, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы передохнуть. В темноте Катя не могла разглядеть лицо, но судя по голосу, женщина была не старая, а средних лет.

Дойдя до подъезда, она потянула на себя скрипучую дверь и сказала:

– У меня украли карточки, мне нечем вас угостить.

– Мне ничего не надо, я просто провожу вас, – отозвалась Катя.

Ноги на обледенелом полу разъезжались в стороны. С сомкнутыми руками Катя и женщина стали подниматься вверх по лестнице, поддерживая друг друга, словно близкие люди.

– Нам сюда. – Женщина толкнула ладонью незапертую дверь, и они вошли в абсолютно тёмный коридор, пронзённый леденящим холодом.

В темноте было слышно, как что-то упало на пол и покатило со стеклянным бутылочным звоном.

– Здесь у меня стояла коптилка и лежали спички. Но мне их не найти. Сейчас, сейчас, – бормотала женщина.

Раздалось чирканье спички, и золотой точкой вспыхнул огонёк коптилки.

Подняв коптилку вверх, женщина посмотрела на Катю:

– А ты совсем молоденькая девочка. Называй меня Варварой Николаевной.

– А я Катя.

– Пойдём со мной.

Варвара Николаевна повела Катю длинным коридором. Коптилка светила слабо, поэтому Катя постоянно натыкалась на какие-то тюки и корыта, отзывающиеся жестяным бряцанием.

Варвара Николаевна ввела её в небольшую комнату с буржуйкой посередине, а сама опустилась на диван, то ли засыпая, то ли сползая на бок в голодном обмороке:

– Надо согреть воды, будем пить кипяток.

Холод в комнате стоял неимоверный, на улице и то было теплее. Катя увидела, как Варвара Николаевна коротко втянула ртом воздух и замерла без движения.

– Варвара Николаевна, подождите, не умирайте, я сейчас затоплю печьку.

Высоко подняв коптилку, Катя заметалась в поисках топлива: диван, шкаф с распахнутыми дверками, криво висящий портрет на стене, широкий комод, стол, заставленный грязной посудой с разводами копоти, пишущая машинка на подоконнике. В захламлённой комнате не находилось даже газет, правда, на письменном столе лежали несколько тетрадей и стопка белой бумаги, но их Катя не посмела тронуть.

Выбор пал на комод. С усилием выдернув нижний ящик, Катя вывалила содержимое на пол и ногой выбила фанерное дно. За время осады, голода она тоже ослабела, и каждое

движение давалось с трудом, но всё же удалось растопить печурку, чтобы поставить на плиту чайник с остатками замёрзшей воды.

Когда Катя стала растирать Варваре Николаевне щёки ладонями, в коридоре раздался звук шагов:

– Мама?

В дверях стоял худой солдат с вещмешком на одном плече. В полутьме комнаты Катя видела только неясные очертания лица и фигуры.

– Мама! Мама! Что с тобой?

Бросив на пол вещмешок, солдат устремился к дивану. Он оказался совсем рядом с Катей.

Сергей! Её кинуло в жар. Отстранившись, она смотрела, как Сергей трясёт Варвару Николаевну за плечи.

Та открыла глаза и непонимающе моргнула:

– Серёжа, ты? Откуда?

Не глядя на Катю, Сергей взял протянутую ею кружку с горячей водой:

– На, мама, выпей, согрейся. Я тебе принёс хлеба и брикет киселя. Нам выдавали.

Он резко развернулся к Кате, совершенно не удивляясь присутствию девушки в форме МПВО. Помощь населению была их службой, как если бы у постели больного стоял врач, а в вагоне поезда проводник.

– У вас есть ещё кипяток?

Катя ответила:

– Воды осталось на доньшке. Надо идти на Неву, а мне некогда, пора на дежурство.

– Спасибо вам, девушка, вы идите, меня до утра отпустили, я справлюсь.

Одним движением Сергей развязал мешок, отломил краюху хлеба и протянул Кате:

– Возьмите, от чистого сердца.

Не узнал! Теперь Катя не хотела выдавать знакомство, поэтому низко опустила голову в ушанке с завязанными под подбородком тесёмками:

– Нам запрещается брать продукты у населения. Я пойду.

Сергей поймал её руку и почти силком вложил в ладонь хлеб.

– Возьмите, я же знаю, что вы голодная.

– Не надо, Серёжа! – против воли запротестовала Катя.

Он взглянул в её лицо:

– Катя? Ты Катя! Мир тесен. – В его голосе зазвучала смешинка. – Ты второй раз приходишь мне на помощь. Наверное, придётся на тебе жениться.

– Как ты можешь так пошло шутить, а ещё красноармеец! – Резко отстранившись, Катя пошла к двери. Ноги подгибались, а сердце стучало как бешеное.

В один шаг Сергей догнал её, положил руки на плечи и развернул к себе:

– Прости, не обижайся! Подожди меня, я сейчас тебя провожу. Я быстро.

Он метнулся в комнату, торопливыми движениями разломал сухарь, бросил его в кружку с кипятком, размешал.

– Мама, возьми. Тебе надо поесть.

Из темноты коридора Катя видела только тени и слышала голоса, наполняющие её покоем. Сергей жив, он здесь, он рядом. Только сейчас она дала себе отчёт, что всё прошедшее время постоянно думала о нём. Думала, когда провожала людей в убежище, думала, когда разбирала завалы, думала, когда бинтовала раненых и уносила мёртвых. От нахлынувшей волны счастья она закрыла глаза, веря, что будет стоять здесь и ждать хоть целую вечность.

Потом они долго шли, петляя между сугробами. Сергей рассказывал, что сейчас служит в автомобильном батальоне и в первый раз за последний месяц смог навестить маму, потому что пришлось спешно заниматься ремонтом машин.

- Я к тебе приходил, знаешь?
– Знаю. Мне мальчишки сказали.

Когда Катя поскользнулась на повороте, Сергей нашёл её руку и больше не отпустил застывшие пальцы, грея своими, такими же сухими и холодными.

В лицо дул колючий ветер, вздымавший с земли заснеженную порошу. В отдалённом перекрестье улиц догорал дом.

Прощаясь у ворот казармы, Сергей крепко сжал Катину запястье и пообещал:

- Я тебя разыщу.

* * *

Наутро Сергей держал в руках бланк с нарядом и дрожащим от возмущения голосом говорил командиру колонны:

– Товарищ капитан, вы же говорили, что на передовую срочно нужны снаряды, а сами посылаете в Академию художеств!

– Иди, Медянов, – с нажимом в голосе сказал капитан, – не зли меня. Приказы начальства не обсуждаются. Задача ясна?

– Так точно, товарищ капитан!

После душной конторки командира колонны, насквозь пропитанной запахами табака и бензина, морозным воздухом ему захотелось закусить, как наливным яблочком, с хрустом лопающимся на зубах. От мысли о яблоках засосало под ложечкой, и Сергей впервые по-настоящему ощутил голод на уровне боли, когда внутренности скручиваются в тугую жгут, мешающий свободно дышать. Но по сравнению с горожанами шофёрам автобатальона было грех жаловаться. Задрвав телогрейку, Сергей перестегнул ремень на последнюю дырочку, но ватные штаны всё равно висели мешком.

Всю дорогу до Академии художеств он злился, думая о том, что самое важное сейчас для города – это снаряды на передовой для прорыва блокады. Уже сейчас, в ноябре, люди умирают от голода, а впереди зима, после которой Ленинград может опустеть.

Блокада должна быть прорвана любой ценой.

Он затормозил на переходе, чтобы пропустить детей из детского сада. Они шли гуськом, держа друг друга за пальтишки. Закутанные в платки крест-накрест, малыши семенили через дорогу с трогательной сосредоточенностью, не отводя глаз от седой воспитательницы с флажком в руке. Нарисованная широкими мазками стрелка на стене указывала путь в бомбоубежище.

Сергей хорошо расслышал красивый голос женщины, со спокойной интонацией выговаривающий:

– Скорее, скорее детки, не забывайте смотреть под ноги. Вася, не дёргай Иру за пальто, она упадёт.

Когда последний ребёнок шагнул на тротуар, воспитательница коротко глянула в сторону Сергея, встретившись с ним глазами с невысказанным вопросом: как долго? Ответа на него он не знал и только крепче стиснул руль, страдая от невозможности прекратить войну сразу, немедленно, не сходя с этого места, пусть даже ценой своей жизни.

Проезжая по знакомым улицам, опутанным очередями близ магазинов, Сергей стал представлять себе первый день мира. Каким он будет? Наверное, весенним. Победа обязательно должна прийти весной, вместе с жёлтыми брызгами мать-и-мачехи и треском птиц на старых деревьях. Вместо аэростатов заграждения по небу полетят разноцветные воздушные шары, а дети будут не жаться друг к другу, спасаясь от страха, а смеяться и есть мороженое. А ещё он возьмёт Катю за руку и поведёт на набережную Невы к Медному всаднику. Она расплетёт свои смешные косички, и он увидит, как её волосы вьются на ветру.

Сейчас Медный всадник заколочен досками и завален мешками с песком, но День Победы царь Пётр должен встретить с открытым лицом, дабы убедиться, что его город выстоял и победил, а иначе и быть не может.

По дороге трижды проверяли путёвку, а в последний раз молодой солдатик так внимательно осматривал кузов, что Сергей едва удержался, чтобы не сказать ему что-нибудь насмешливое, как бывало в школе между мальчишками.

Нужный адрес располагался в глубине двора огромного здания Академии художеств, увенчанного статуей богини Минервы. По-военному укутанная в рогожу, Минерва взирала на копошащихся внизу людишек с каменным равнодушием власти над вечностью. Он улыбнулся, вспомнив, что в детстве называл эту статую «тётя на крыше».

Толкнувшись в несколько запертых дверей, Сергей наконец нашёл открытую и вошёл в просторное помещение. Первое, что он почувствовал, было ощущение пронзительного холода. Казалось, что мороз сочится из толщи стен, обволакивая тело ледяным компрессом. Заколоченные фанерой огромные арочные окна почти не давали света, но позволяли разглядеть груды ящиков у входа, небольшую муфельную печь в углу, видимо, давно забывшую о топливе, и широкие столы с лежащими на них инструментами. Но не холод главенствовал в этом вымороженном помещении, а тепло, которое излучали яркие мозаичные панно на стенах и рамах. Среди руин и блокадного мрака панно казались созданными из солнечных брызг, случайно упавших на мёрзлую землю. Отливая глянец, всплески красок дробились, множились, распадались на мириады искр с тем, чтобы снова соединиться, образуя целое. Раскрыв глаза от изумления, Сергей застыл посреди помещения и пришёл в себя от лёгкого покашливания.

Он резко обернулся.

За одним из столов сидел сухонький старичок и красными от мороза руками выкладывал перед собой что-то волшебного-огненного, как вспышка пламени. Надвинутая на уши ушанка была ему явно велика, и он с досадой поправил её порывистым жестом.

– Вы ко мне, молодой человек?

Старичок с усилием поднял кувалду и стукнул по ярко-оранжевому плату смальты, похожему на расплавленную магму. Отколовшийся кусочек он положил на ладонь и внимательно рассмотрел.

– Наверно, к вам, – неуверенно сказал Сергей, замороженный увиденным.

Старичок вскинул голову и с надеждой в голосе поинтересовался:

– Я надеюсь, вы насчёт керосина?

– Какого керосина?

– Ну как же! – заторопился старик. – Я просил Ленсовет выделить мне пятнадцать литров керосина. – Он перевёл взгляд на керосиновую лампу, словно бы ища у неё подтверждения. – Дело в том, что у меня здесь восемнадцать тысяч оттенков смальты. Вообразите, молодой человек, восемнадцать тысяч! И их очень трудно различить при свете копилки. Правда, Ленсовет распорядился прекратить работы и эвакуироваться, но я ответил решительным отказом. – Зажав в кулаке осколок, старик сделал энергичный жест. – У меня важный правительственный заказ, и я должен его выполнить.

Сергею стало интересно. Он не удержался и спросил:

– Какой заказ? Если это не военная тайна, конечно.

– Никаких тайн, молодой человек! – От стужи в помещении старичок нахохлился, но тут же задиристо выпрямился. – Я делаю мозаику для Московского метро.

Сергей был поражён:

– Но ведь сейчас война!

– Ну и что? – Выйдя из-за стола, старик подошёл к наборному полотну с ликом Христа и ласково погладил нимб заскорузлыми пальцами. – Войны заканчиваются, а прекрасное оста-

ётся навечно. Я вам больше скажу: созданное в трудные времена всегда несёт в себе большую глубину. Да, да, да, и не спорьте!

Ростом он едва доставал Сергею до плеча, и со спины его можно было принять за подростка. Но упрямый взгляд стальных глаз подсказывал, что старик – человек несгибаемой воли.

Сергей с уважением посмотрел на его натруженные руки, подумав, какой титанический труд они проделали за долгие годы. Он снова обвёл глазами сияющие смальтами картины. Они напоминали ему что-то очень знакомое и близкое с детства. В памяти пронёсся хоровод красок, отражающихся в зеркале тёмной воды.

– Я понял! – Догадка изумила Сергея. – Это вы делали мозаики в церкви Спаса-на-Крови. Той, что на месте гибели императора Александра Второго! Это могли сделать только вы!

Старик наклонил голову в полупоклоне:

– Так точно, я, ваш покорный слуга. И в Феодоровском Государевом соборе тоже мои мозаики. И в Марфо-Мариинской обители, и в Почаевской лавре, и в Кронштадтском соборе. Перечисляя творения, он невольно улыбался, словно окликал по именам своих детей.

Представив себе махины соборов, украшенных чудными панно, Сергей восхитился. Он никогда не задумывался об их создателях, но эти соборы казались ему вечными.

Он искренне сказал:

– Я не воображал, что когда-нибудь познакомлюсь с человеком, сотворившим такое чудо.

– Положим, мозаики делал не один я. – Старик пожал плечами. – У меня были помощники. Это сейчас никого нет: кто на войну ушёл, а кто скончался от голода. Мозаикой начал заниматься ещё мой отец, а я, как видите, продолжил. Позвольте представиться: Владимир Александрович Фролов – мастер-мозаичист.

– Очень приятно, – сказал Сергей, с благоговением пожав протянутую руку – сухую и иззябшую. – А я Сергей Медянов, шофёр.

– Шофер! Неужели?! – с радостным оживлением всплеснул руками Владимир Александрович. – А я уже перестал надеяться, хотел бежать сам искать попутку! Не иначе как мне вас Бог послал! – Он потянул Сергея к ящикам, цепочкой стоящих вдоль стены: – Вот груз. Мы должны спешить, чтобы доставить его на Ладугу и переправить на Большую землю. Навигация закрывается, а эти ящики не должны пропасть. Здесь плафоны для Московского метро. Знаете, когда я упаковывал мозаики, то подумал, что это последняя моя работа. Силы уже не те, хотя ещё поборемся, надо одолеть проклятую даму с косой и в белом саване.

Вдвоём они поволокли ящики к машине, и Сергей подивился, как мог этот хрупкий человек один упаковать такую непомерную тяжесть. Ящики со снарядами были не в пример легче.

Загрузить ящики в кузов помогли двое военных, проходивших по набережной.

– Сергей, голубчик, пожалуйста, побыстрее, – умолял Владимир Александрович, – я сердцем чувствую, что промедление может оказаться фатальным.

Нетерпение Фролова передалось и Сергею, поэтому всю дорогу он гнал с одной мыслью: успеть, хотя плохо представлял себе, куда надо ехать.

И всё-таки они победили! Когда полуторка вырулила к пристани, от неё отшвартовывалась низкобортная посуда с закопчённой рубкой и свежезалатанными пробоинами на корме.

– Опоздал, сынок, последний корабль ушёл, – сказала Сергею старушка в красном платке, едва он выскочил из машины, – я на нём внука отправила, видишь, вон там стоит, канат скручивает.

Мельком глянув на старушку, Сергей кинулся к причалу, размахивая руками не хуже ветряной мельницы:

– Стой! Подожди!

Владимир Александрович спешил сзади. Сергей слышал его тяжёлое свистящее дыхание, перемежавшееся словами: «Боженька, помоги», и эта наивная просьба к Богу заставила его подскочить к судну и вцепиться руками в швартовый конец:

– Позовите капитана!

Молоденький матросик с девичьим румянцем во всю щеку недовольно выпрямился и крикнул в сторону рубки:

– Товарищ капитан, вас тут какие-то ненормальные требуют!

Хотя суровый вид капитана не предвещал ничего хорошего, Фролову удалось уговорить его взять ящики. Потом, стоя под пронизывающим ветром, он долго смотрел вслед уходящему судну, пока Сергей бережно не подхватил его под локоть:

– Пойдёмте, Владимир Александрович, простудитесь.

Всю обратную дорогу Владимир Александрович обессиленно дремал, и Сергей вёл машину так аккуратно, словно ехал не по разбитой грунтовке, а по мягкому облаку. Глядя на устало лежащие на коленях руки мастера, он думал, что судьба свела его с великим человеком нестигаемой воли¹³.

* * *

Постанывая и тяжело шаркая ногами, Михаил Михайлович Гришин прошёл мимо кухни с забитым фанерой оконным проёмом, достал ключ и открыл навесной замок своей комнаты. Из-за поддетого под пальто толстого свитера шевелить рукой удавалось с трудом. Гришин даже вспотел, но, как говорится, пар костей не ломит. На улице выстоялась морозная погода, не хватало ещё подхватить инфлюэнцию.

За притворённой дверью своего мирка он распрямил спину, вместе с пальто сбрасывая с себя облик тяжелобольного. Окна плотно зашторены чёрной светомаскировкой, дверь заперта, и можно позволить себе стать самим собой.

Из принесённой сумки Гришин выгрузил на стол две банки армейской тушёнки и десять плиток шоколада. Ушлая торговка на чёрном рынке предлагала яичный порошок для омлета, но Михаил Михайлович решил отложить покупку на следующий раз, а вместо яичного порошка купил кулёк макарон для Лерочки. Надо подкормить дочку, когда придёт в увольнение, а то она совсем высохла в своём госпитале.

Неловко, что каждый раз приходилось выкручиваться, объясняя Лере, откуда берутся продукты. Не станешь же рассказывать про золотые часы, надёжно припрятанные в неработающей батарее.

Растопив печурку кругляками, купленными по сходной цене, Гришин поставил греться чайник, чтобы попить горячего шоколада. Он любил растворить в чашке несколько долек и потом весь вечер прихлёбывать какао, воображая, как закончится война, Лерочка выйдет замуж, нарожает ему внуков, и он будет рассказывать им про суровые военные будни. Пусть подрастающее поколение помнит, какой ценой досталась победа их дедам.

Тушёнку приходилось глотать холодной, чтобы по квартире не растекался вкусный запах горячего жаркого, сдобренного лавровым листом. Не приведи Бог соседка заподозрит, напишет жалобу, придут к нему с обыском, и доказывай потом в НКВД, что ты никого не убил, а тратишь дядино наследство, заработанное непосильным трудом.

Чтобы не встречаться с соседкой, Гришин выходил из комнаты только по необходимости: за продуктами, за водой или вылить на двор ведро с нечистотами.

Хорошо хоть Алевтина девчонок своих не выпускала, они сидели тихо, и за всё время их проживания Михаил Михайлович только один раз слышал детский плач.

Вскипятив чайник, Гришин отломил шоколад, задумчиво позвякивая ложкой в стакане.

¹³ Плафоны, сделанные в блокадном Ленинграде, ныне украшают станцию Московского метро «Новокузнецкая». Выдающийся русский мозаичист академик Владимир Александрович Фролов остался в осаждённом городе продолжать работать и в феврале 1942 года умер от голода, упав на пол своей мастерской, замётённой снегом из разбитых окон.

Грех так говорить, но удачно, что домработница попала под обстрел и погибла – лишний рот сейчас ни к чему, самому бы выжить да Лере не дать умереть. Война – дело жестокое.

Услышав раздавшийся шум, Гришин подошёл к двери и приложился ухом. Вроде бы дверь хлопнула, вдруг Лера пришла?

На всякий случай он спросил:

– Лерочка, это ты?

– Нет, это я, Михаил Михайлович, – ответил голос соседки.

Она торопливо прошла по коридору, но у двери остановилась и закрыла лицо руками. Что сказать детям? Как посмотреть им в глаза? Старшая уже не встаёт на ножки, а только сидит и раскачивается из стороны в сторону, а маленькая вчера перестала просить есть – знает, что у мамы нет хлебушка. Свернувшись комочком, она лежит под одеялом и почти не дышит.

Сегодня Алевтина ходила к знакомому столяру, хотела выпросить плитку столярного клея и наварить холодца. Но оказалось, что столяр умер. Закостеневший и желтолицый, он лежал посреди мастерской и сжимал кулаки, словно хотел дать фашистам последний бой.

Перекрестив, Алевтина накрыла его скатертью и подумала, что следующая очередь будет её. Пускай Господь только детей спасёт.

* * *

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области от 1 октября 1942 г. за подписью начальника управления, комиссара безопасности третьего ранга Кубаткина следует, что с начала войны органами милиции было арестовано за хищения соцсобственности – 1553 человека и за спекуляцию – 1598 человек. У арестованных изъято ценностей и товаров на сумму свыше 150 млн рублей. В том числе 9,6 млн наличных денег, золотых монет – на 41 215 рублей, золота в слитках и изделиях – 69 кг, бриллиантов – 1537 штук, золотых часов – 1295, продуктов питания – 483 тонны¹⁴.

* * *

К зиме ленинградские подъезды превратились в сказочные пещеры, сверкающие сталактитами и сталагмитами. Причудливыми формами с каменных лестниц свисала бахрома желтоватых сосуллек. Когда до них добиралось солнце, лёд вспыхивал медовыми искорками. Ступени казались глазурированными тонкой плёнкой серой смальты.

Воду носили с Невы или набирали из открытых люков. Выплёскиваясь из вёдер и кувшинов, она устилала ступени плотной коркой льда, по которой ноги соскальзывали, как с катальной горки.

Карабкаясь вверх по лестнице, Катя чувствовала, что у неё за плечами стоит Смерть. Самая настоящая, живая, не выдуманная. У Смерти было белое лицо, длинные седые волосы и почерневшие скрюченные пальцы, как те, что торчали из сугроба около магазина.

– Не дамся тебе, Смерть, потому что я должна ещё раз встретиться с Сергеем.

Катя поймала себя на том, что разговаривает вслух, и замолчала, пока напарница Маша не приняла её за сумасшедшую. Сегодня их отправили по заявкам жильцов выносить покойников. Адреса Катя запомнила наизусть, хотя в последнее время память начала подводить, в неподходящий момент переключаясь на мечты и размышления. Зато хорошо помнилось то, что она могла бы съесть, но не съела. Вторую ночь подряд снились две варёные картошины, слу-

¹⁴ «Независимая газета» от 05.09.2001 г.

чайно забытые в чугунке дома в Новинке. Тогда мама выбросила их на помойку, и сейчас Катя не могла себе этого простить. Надо было их сжевать вместе со шкуркой, пусть даже подкисшие. Она представляла, как рот наполняется вязкой, солоноватой мякотью блаженной сытости. Картошка, морковка, щи из капусты с куриной ножкой. А каких карасей в сметане умела готовить мать Оли! От лихорадочных видений пищи голод грыз ещё больше и беспощаднее.

Десятая квартира, куда они шли с Машей, была на третьем этаже. Катя подумала, что, взбираясь по верёвке на колокольню, она потратила куда меньше сил. Теперь колокольня осталась в другом измерении, где над ромашковым морем царит синее небо.

Неужели это было всего полгода назад? Наверное, Бог даёт горе для того, чтоб потом научиться жить в радости.

– Повезло, что скользко, – сказала Маша, едва переводя дыхание, – можно столкнуть трупы по льду, особенно если их будет много.

От холода Машины ресницы покрылись инеем, а голова, завёрнутая в чёрный платок под шапкой-ушанкой, казалась непропорционально огромной по отношению к щуплому телу. Утром Маша пожаловалась, что её ноги стали твёрдыми как камень и не сгибаются, но на задание пошла, потому что знала: ляжешь – умрёшь.

В распахнутую дверь прорывался сквозняк с лестницы. Захлебнувшись ледяным воздухом, Катя выкрикнула в звонкую пустоту квартиры:

– Хозяева, МПВО вызывали?

Ответа она не ждала, но к удивлению девушек одна из дверей в коридоре медленно отворилась и оттуда выглянула иссохшая старуха с провалившимися щеками и тёмными глазницами.

– Идите сюда, доченьки.

Основное место в маленькой комнатке занимала огромная кровать, на которой под грудой одеял лежал ребёнок лет трёх-четырёх и смотрел на них безучастным взглядом глубокого старца. Буржуйка не топилась, но в комнате сохранилась толика тепла, от которого сразу же заболели заочневшие пальцы.

– Где покойник? – присев на стул, спросила Маша. – Кого везти на кладбище?

Старуха сдержанно кивнула:

– Меня. Это я покойница. Самой-то мне до кладбища не дойти. Я там возле могилки посижу на морозце да и сомлею. Не хочу валяться на улице, как падаль. Пусть меня по-христиански в землю зароят.

Угловато переваливаясь, старушка сняла со стены икону, перекрестилась на неё, поцеловала, а потом приложила образ к личику ребёнка:

– Помогай, Божия Матушка, младенцу Татиане. На Тебя уповаю.

Катя и Маша переглянулись, потому что возить живых людей на кладбище им ещё не доводилось.

Уловив их растерянность, старуха поторопила:

– Ну что вы застыли? Забирайте. По пути Танюшку в детский дом отдайте, я слышала, что сиротинок в детдомах выхаживают, не дают помереть. Да вы не сомневайтесь, девоньки, видите, у меня уже смертные вши.

Иссохшей рукой старуха стала чесать голову, и из волос на плечи дождём посыпались крупные белёсые вши. Она стряхнула их на пол платяной щёткой, бросила щётку в печку и сунула ноги в валенки:

– Пошли.

– Я не могу, – сказала Маша.

– И я не могу, – поддержала Катя, – у нас нет приказа, чтобы живых людей на кладбище возить.

– Да не живая я, неужели не видите? Хотите, на колени перед вами встану?

Старуха и вправду стала медленно сползать на пол, неловко цепляясь пальцами за спинку стула.

– Стойте! – резко выкрикнула Катя. – Погодите! Мы заберём девочку, только если вы дадите слово постараться выжить ради внучки.

– Соседка я Танюшке, – сказала старуха. – Нет у меня ни детей, ни внуков. Всех схоронила, к ним хочу.

Почему ребёнок остался один, Катя знала наверняка, но всё же спросила:

– А где Танюшкины родители?

– Знамо где, у Господа за пазухой. Месяц назад померли. Одни мы с ней в квартире остались. Пока силы были, я шевелилась, а сейчас ни воды принести, ни дров наколоть – ничего не могу. Одно осталось – умереть.

Маше удалось поднять старуху с колен, и она стояла с согнутой спиной посреди комнаты и смотрела просительным взглядом, каким голодный выпрашивает хлеба.

От дистрофии и холода Катины чувства успели так отупеть, что она иногда сравнивала себя с деревяшкой, но тут дрогнуло в груди, затопляя глаза слезами. Она нахмурилась и сказала нарочито жёстко:

– Нет, гражданка, не должны вы доставить фашистам такую радость, чтобы идти самой на кладбище. Надо выжить назло им. – Повернувшись к Маше, она скомандовала: – Давай забирать девочку. А к вам, бабушка, обещаю, мы обязательно заглянем. Завтра вам девушки дров и воды принесут. Это наш район.

Присланные на следующий день девушки сказали, что заявку на вывоз трупа выполнили и отвезли старуху на кладбище, а Катя подумала, что там, в общей могиле, бабушку наверняка поджидает бессмертие.

* * *

В декабре число жертв голода стремительно росло – ежедневно умирало более 4000 человек. Были дни, когда умирало 6–7 тысяч человек. Мужчин умирало больше, чем женщин (на каждые 100 смертей приходилось примерно 63 мужчины и 37 женщин).

* * *

К концу декабря город зарос снежными сугробами. Неубранный снег возвышался белыми горами. Неподвижно стояли трамваи и троллейбусы с выбитыми стёклами, над ними ветер раскачивал оборванные обледеневшие провода. Сквозь остовы разбомблённых домов проблескивало мутное солнце.

Ленинград превращался в город-призрак.

– В старом пророчестве говорится: «Петербургу быть пусту», но вы не верьте – Ленинград выстоит, – сказал Кате высокий мужчина в барашковой шапке, когда она дежурила во время обстрела. Поверх шапки мужчина обвязался деревенским платком крупной вязки, но всё равно было видно, что ему очень холодно. Катя остановила прохожих переждать обстрел, и мужчина покорно прислонился к стене парадной.

В последнее время бомбить стали меньше, а обстрелы, наоборот, усилились.

Из-за внезапности горожане обстрелов боялись больше, потому что проход по городу становился чем-то вроде лотереи: убьёт – не убьёт.

Сейчас били по соседнему кварталу. Разрывы снарядов следовали сплошной чередой, сливаясь в громовую дробь, от которой вылетали остатки стёкол в близлежащих домах. Когда раздался грохот падающих кирпичей, Катя сказала:

– Они не возьмут нас живыми, правда?

Ей показалось, что запавший рот мужчины шевельнулся в улыбке:

– Вы знаете, откуда пошло выражение «Русские не сдаются»?

– Нет! – Катя покачала головой.

– Во время Первой мировой войны немцы применили против Двести двадцать шестого Землянского полка отравляющие газы. Готовились тщательно: выжидали попутного ветра, тайно разворачивали газовые батареи, засылали разведку. И утром на русские позиции потекла тёмно-зелёная смесь хлора с бромом. Противогазов у наших не было, и все живое на двадцать километров отравилось насмерть. Листья облетели, а трава почернела. – Прежде чем продолжить фразу, мужчина откашлялся. – Германская артиллерия вновь открыла массированный огонь. Вот как сейчас.

Под всплеск канонады Катя согласно кивнула, не отводя взгляда от рассказчика. Он, похоже, совсем обессилел, но голос звучал твёрдо:

– Вслед за огненным валом и газовым облаком на штурм русских позиций двинулись четырнадцать батальонов противника – а это не менее семи тысяч пехотинцев. На передовой после газовой атаки в живых оставалось едва ли больше сотни защитников.

Но когда германские цепи, надев противогазы, приблизились к окопам, из хлорного ада на них в штыковую поднялась русская пехота. Полуслепые, задыхающиеся, бойцы шли, сотрясаясь от жуткого кашля и выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки. Это были остатки рот пехотного Землянского полка – капля в море. Но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы не приняли бой и побежали. Немцы затаптывали друг друга и висли на проволочных заграждениях. И по ним с окутанных хлорными клубами русских батарей стала бить, казалось, уже погибшая артиллерия. Несколько десятков умирающих русских бойцов обратили в бегство три германских пехотных полка! Ничего подобного мировое военное искусство не знало. Это сражение вошло в историю как «Атака мертвецов». – Мужчина перевёл дыхание и посмотрел на Катю. – История повторяется, и в атаку мертвецов сейчас идут ленинградцы.

Атака мертвецов! Катя видела бредущих по улице людей: женщин с вёдрами ледяной воды, стариков, тянущих саночки с запелёнутыми покойниками, и думала, что незнакомый мужчина сказал правду: хотя они все почти мертвы – они победят вопреки всему.

Если бы только добавили чуть-чуть хлеба, пусть самую малость.

Слухи о прибавке хлеба начали будоражить город с прошлой недели. Предположения строили самые различные, начиная от прорыва фронта в районе Невского пяточка до фантастического плана о том, что продовольствие начнут сбрасывать на парашютах.

Катя не очень доверяла пересудам, но в душе теплилась отчаянная надежда: а вдруг?

Мимолётно вырываясь домой, она каждый раз с болью замечала на лицах соседей новые черты голода. Особенно сдала тётя Женя. Свесив вниз длинные руки, она тяжело переваливалась по квартире, как большая грустная обезьяна. Егор Андреевич ходил, опираясь на палку. Ноги у него распухли и почернели. Вера иссохла в былинку, пытаясь выходить Ниночку с Ваней.

– Если бы я только знала о блокаде, я бы умоляла мужа об эвакуации, – отчаянно повторяла Вера как заклинание. Но несмотря ни на что, на работу в библиотеку она ходила, оставляя детей под присмотром тёти Жени. Притихла даже злобная Кузовкова. По крайней мере, Катю теперь она не задевала, а целыми днями шила на машинке и куда-то относила наполненные вещами мешки.

Артобстрел района закончился, и почти сразу завывла сирена воздушной тревоги.

«Господи, пожалуйста, пусть бомбы упадут мимо! – взмолилась про себя Катя, глядя, как самолёты со свастикой утюжат ленинградское небо. На страх сил не оставалось, но любая бомбёжка – это кровь, жертвы и разрушения. Перевязки на морозе, тяжёлые носилки в руках, неподъёмная кирка для разбора завалов весом в сто тонн. – Пусть гадам отольются наши слёзы, Господи!» – И уже не сдерживаясь, закричала в пелену неба: – Помогите!!!

Под напором наших истребителей один немецкий самолёт дал крен и загорелся. Тупо кувырнувшись носом вниз, он выпустил густой шлейф чёрного дыма. Кажется, бомбёжка отменялась.

В казарму Катя с Машей прибрели с мечтой о горячем чае. Едва шевелясь от слабости, подруга остановилась на крыльце и вдруг сказала:

– Катя, тебе машет какой-то солдат. Симпатичный!

От этих слов у Кати словно крылья выросли.

Сергей стоял около своей полуторки, от холода переступая с ноги на ногу. Совсем худой, остроносый, ссутулившийся.

– Серёжа!

Увидев Катю, он подался ей навстречу и, схватив за обе руки, горячо прошептал:

– Катя, я на минутку. Заехал только сказать тебе, что не надо отчаиваться. Пока это военная тайна, но скоро в Ленинград пойдёт хлеб.

Катю протрясло нервной дрожью:

– Как? Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я сам сегодня муку привёз. Правда, пока несколько мешков, но продовольствия будет больше, намного больше. Держись, Катюшка!

Он с размаху чмокнул её в нос и вскочил на подножку машины. Такой родной, такой близкий!

Хлеб! Надо скорей рассказать девчатам – они не выдадут. Прикрыв нос ладошкой, словно случайный поцелуй могло сдуть ветром, Катя поспешала в казарму. Хлеб! Слава тебе, Господи!

* * *

В библиотеке, где работала Вера, стена в читальном зале покрылась инеем. Между стеллажами лежал лёд, звонко хрустящий под подошвой валенок с галошами. Одевайся – не одевайся, всё равно озноб проберётся под одежду и выкрутит тело глухой болью. Окна заколочены, света нет. Голод, холод и темнота выматывали и отупляли. Растрескавшиеся от мороза пальцы с трудом держали перо, а чернильницу приходилось отогревать на буржуйке.

Сначала топили списанными книгами, но бумага прогорала моментально.

– Будем сжигать стулья из читального зала, – распорядилась заведующая библиотекой Галина Леонидовна. – Пусть я за порчу имущества под суд пойду, но смерти сотрудников на моей совести не будет.

К декабрю их в библиотеке осталось всего двое – Вера и Галина Леонидовна. Несколько библиотекарей эвакуировались, две женщины от слабости перестали ходить на работу, а заведующая детским абонементом сошла с ума от голода.

Как ни странно, но работы в библиотеке было много и вся необходимая. В первые дни войны приходилось комплектовать книги по санитарному делу и самообороне, подбирать чтение для госпиталей. Потом книги потребовались фронту, а сейчас Вера сидела на выдаче книг.

«Непостижимо, но люди читают, – думала она, заполняя формуляр для дистрофичной девушки с отёчным лицом. – Сегодня пришли три человека, а вчера было двенадцать».

Оторвавшись от письма, она подняла голову и встретила со спокойным взглядом серых глаз.

– Что вы выбрали?

Девушка молча протянула Вере две книги о любви.

Вздыхнув, Вера снова опустила голову над столом. В довоенное время она перекинулась бы с посетительницей парой фраз, пошутила, ненавязчиво посоветовала хорошую литературу, а нынче с усилием заставляешь перо двигаться по бумаге. Безграничная усталость. Не хочется шевелиться, думать, разговаривать. Даже к тарелке не тянет. Душу заполняет одно желание – заснуть и не проснуться. Если бы не дети, то она так бы и сделала: свернулась калачиком прямо тут под столом выдачи книг и заснула вечным сном.

Вчера в библиотеке умер посетитель – профессор истории Княжев. Присел на стул отдохнуть и больше не поднялся.

И почему она в августе отказалась от эвакуации? Люди на Большой земле живут, трудятся, совершают подвиги, а здесь? Пустое прозябание в ожидании крошки хлеба.

Хотя смена длилась всего четыре часа, Вере казалось, что она продолжается вечность. На обратном пути надо зайти за водой с трёхлитровым бидоном – больше руки не поднимали.

Очередь к проруби в Неве тянулась мимо вмёрзшей в лёд женщины с тонким голубым лицом сказочной Снегурочки. Хмурые люди обтекали её стороной, но никто не ужасался и не шарахался, потому что смерть стала частью жизни.

Вера пристроилась за двумя девочками, которые тянули детские санки с большой жестяной баклагой. Девочки были закутаны как куклы по самые брови. Толстые шубы, перепоясанные платками крест-накрест, яркие варежки. Среди мрачной действительности пёстрая вязка варежек казалась издёвкой.

Пока девчонки начерпают воду ковшиком, народ в очереди успеет совсем окоченеть. Подавив раздражение, Вера обхватила бидон, сжавшись в комок, чтобы не выпустить из-под пальто остатки тепла. Две вязаные шапки и тонкий шерстяной платок поверх головы совсем не грели. Не к чему прислониться, некуда сесть, а чтобы зачерпнуть воду, придётся опуститься на колени и несколько метров ползти по ледяной дорожке.

Над Невой выл ветер и сгушалась сумерки. Ровно в семнадцать часов, по аккуратному немецкому расписанию, бабахнула канонада обстрела. На слух Вера определила, что бьют по Кировскому заводу, это далеко отсюда. Говорят, Кировский танкостроительный наполовину разворочен взрывами, в цехах жгут костры, но работают. Недавно по улице прогрохотали танки. Вера видела их из окна и сразу же вспомнила о муже. Жив ли Васенька? Писем давно нет.

Девочки в варежках набирали воду с головокружительной медлительностью. Вера сжала губы: старшей девочке столько же, сколько её Ниночке, но Нину совсем не держат ноги. Чувствуя нарастающую злость на незнакомую девочку, Вера рывком опустила бидон в прорубь и поползла обратно, расплёскивая воду себе на руки.

Задержавшись у скользкого подъёма, она попыталась подняться и откатилась назад.

«Ну, вот и всё, – мелькнула в голове успокоительная мысль, – теперь навсегда останусь здесь рядом со Снегурочкой». Но вдруг, словно с небес, раздались детские голоса и навстречу протянулись четыре тонкие ручонки в ярких цветных варежках:

– Тётенька, держитесь, мы вам поможем.

Милые мои, милые!

Не вытирая слёз от бьющего ветра, Вера подала бидон, чтобы прочно вцепиться в обледеневшие снежные ступени. И снова её поддержала детская ручка в яркой варежке. Прикосновение к плечу было совсем слабым, невесомым, но иногда хватает малого, чтобы почувствовать точку опоры. Каждому посылается свой спаситель.

«Я не должна умереть. Мне нельзя», – сказала себе Вера, и словно бы из воя сирены выловила далёкий ответ:

«Не хочешь – не умирай».

«Не умру», – пообещала она в пустоту.

Задеревеневшие пальцы разжались, вода из бидона пролилась Вере на ноги, и ей вдруг стало тепло и хорошо.

* * *

– Вера! Вера! Вера!

Голос отдавался в ушах громко, словно дребезжание листа железа на ветру. Она плотнее сомкнула веки, намереваясь снова отключиться, но щекам стало жарко и больно.

С трудом раскрыв глаза, Вера увидела склонившуюся над ней Катю, которая тёрла ей лицо комками снега.

– Вера! Очнулась? Слава Богу! Давай вставай!

Поддерживая Веру под спину, Катя вытащила её из сугроба и повела домой. Там тепло, горячий чай, который ленинградцы приучились пить с солью вместо сахара, и кусочек хлеба, подсушенный на горячей плите.

– Что со мной было?

Вера с трудом выговаривала слова, но старалась помочь Кате вести себя и не завалиться на бок.

– Обычный голодный обморок.

– Обычный?

– Иди не разговаривай, береги силы, – сказала Катя, – дом уже близко. – И чтобы немножко подбодрить Веру, добавила услышанную от Сергея новость: – Говорят, скоро увеличат норму хлеба.

– Правда? Откуда ты знаешь?

– От надёжного друга, шофёра. Он привёз в город несколько мешков муки, только не сказал откуда, потому что это военная тайна.

– А я ведь тоже слышала, – едва ворочая языком, ответила Вера, – от читательницы. – Она вдруг остановилась, и на её лице промелькнуло понимание. – Точно! Как же я сразу не догадалась?!

– Ты о чём, Вера? Скажи, не томи, – затретила её Катя.

– Про Ладожское озеро. – Ещё качаясь от слабости, Вера вцепилась в Катину шинель и горячо зашептала: – Понимаешь, одна читательница работает в госпитале, и вот она проболталась, что к ним привезли несколько обмороженных мужчин с воспалением лёгких.

Катино сердце стукнуло и замерло от волнения:

– Вера, говори, говори скорее!

– Читательница сказала, что они провалились под лёд Ладожского озера, потому что прокладывали путь на Большую землю. Понимаешь, напрямик, через Ладогу. Хлеб по воде!

В Катиных мыслях вспыхнуло воспоминание об осунувшемся от усталости, но ликующем лице Сергея. Ей стало радостно и страшно.

– Вера, у вас есть карта Ленинградской области?

– Конечно! Катюша, пойдём скорее, мы должны увидеть ледовую дорогу собственными глазами.

Мороз не позволял стоять на месте, и Катя с Верой двинулись по заледеневшей улице, но теперь уже не Катя вела Веру, а Вера шла впереди, словно её поддерживала невидимая рука.

Неужели правда будет прибавка хлеба, а в городе перестанут умирать дети?

Навстречу Кате и Вере брели такие же тени, какими сейчас были они сами, и Кате хотелось крикнуть во весь голос: «Не отчаивайтесь, помощь близко! Доживите, не умирайте!»

У дверей подъезда их застигла сирена воздушной тревоги.

Тяжело осев на скамейку, ручку барабана крутил сам Егор Андреевич, исхудавший так, что в профиль лицо его казалось плоско вырезанным из куска коричневого картона.

Шапка-ушанка, ставшая большой, спала на глаза. Чтобы разглядеть, кто подошёл, Егор Андреевич вздёрнул голову вверх:

– А, девчата, бегите в бомбоубежище. Женя с Ванюшкой и Ниночка уже там. – Он на секунду прервался и посетовал: – Совсем народ перестал ходить в бомбоубежище. Говорят, пусть лучше быстро убьёт, чем с голоду пухнуть. Один Гришин ходит исправно.

– Егор Андреевич, как Нина? – В Вериных глазах промелькнул страх.

– Плохо.

Отведя взгляд от Веры, Егор Андреевич с силой завёл сирену, вкладывая в движение злость и отчаяние. Ниночка и Ваня были ему как родные, и если бы он мог, то отдал бы за них всю свою кровь, каплю за каплей.

Вчера, когда он сдавал в исполком исправленные списки жильцов, паспортистка намекнула, что в городе ожидается увеличение хлебных норм. От неожиданного известия Егор Андреевич даже перекрестился, забыв, что находится в стенах советского учреждения. Но паспортистка отнеслась с пониманием, лишь кинула предостерегающий взгляд на портрет Сталина, а потом сама быстро перекрестилась, словно вступая с ним в безмолвный заговор.

Домой из исполкома Егор Андреевич долго брёл через занесённые снегом дворы и думал, что если бы вблизи была открыта хоть одна церковь, то он зашёл бы и помолился, чтобы слух о прибавке хлеба оказался правдой.

* * *

В блокаду в городе было открыто три храма: Князь-Владимирский собор, Спасо-Преображенский собор и Никольский собор.

На служении осталось около тридцати священнослужителей, преимущественно пожилого возраста. Только в Князь-Владимирском соборе в блокадную зиму умерли девять служащих и членов клира. В Никольском соборе, где жил во время блокады митрополит Алексей (будущий патриарх Алексей I), из тридцати четырёх певчих в живых осталось трое, во время богослужения умер регент, не пережил голодную зиму келейник владыки Алексия.

* * *

Война для Сергея Медянова началась не с речи Молотова из жестяного ретранслятора, а сразу с боевых действий.

Двадцать второго июня его полутоннотную машину загрузили мешками с сахаром и выписали путевой лист в Выборгский райторг на Карельском переходе.

Несколько последних суток по ту сторону финской границы слышался нарастающий гул моторов, ясно указывающий на передвижение войск. Хотя люди прислушивались, но особого значения возне финнов не придавали. Слово «война» так долго витало в воздухе, что к нему привыкли, как привыкают к плохой погоде или надоедливому соседу. К тому же Финляндия всегда была не прочь устроить показательные военные учения, чтобы лишним раз продемонстрировать сопредельной стороне свою боеготовность.

Разгружаться Сергею пришлось под разрывы снарядов, потому что ночью с финской стороны на СССР двинулась армада тяжёлых танков. Поднятые по тревоге пограничники попытались занять оборону, но что могли сделать винтовки, гранаты и единственный пулемёт «максим» против бронированной техники?

Погранзастава перестала существовать. Началось отступление. В уцелевшую машину Сергея спешно носили раненых. Свист пуль мешался с криками, стонами и проклятиями. Стлавшаяся над лесом полоса дыма охватывала небо чёрной гарью.

– Езжай! – махнул рукой военврач с двумя кубами в петлицах, когда кузов был плотно забит людьми. Его почерневшее лицо с выкаченными белками глаз было страшно.

– Я умею стрелять, могу остаться, пусть меня заменят! – перекрикивая какофонию боя, проорал Сергей.

– Гони, не останавливайся! Жми, парень!

Выжав до упора педаль газа, он домчал раненых до Ленинграда и сдал в госпиталь. Но бой внутри него не остывал ещё долго, поднимая в душе желание быстрее оказаться на фронте.

Ожидая призыва в армию, Сергей месяц мотался по срочным путёвкам, а в день, когда встретил в подвале Катю, получил повестку и стал рядовым Двести девяностого автомобильного батальона, приписанного к Ленинградскому фронту.

С тех пор боеприпасы и раненые стали его постоянным грузом, и Сергей думал, что пока не убьют, он так и проболтается между городом и передовой, не успев лично застрелить хоть одного фашиста.

В ноябре к ним в полк прибыл представитель Ленинградского фронта.

Невысокий, смуглолицый полковник не торопясь прошёл вдоль строя бойцов на плацу, остановился перед Сергеем и задал неожиданный вопрос:

– На коньках кататься умеешь?

Слегка растерявшись, Сергей утвердительно отрапортовал:

– Так точно, товарищ полковник, был вратарём в школьной хоккейной команде!

– Молодец, – полковник одобрительно кивнул, переведя взгляд на шеренгу бойцов. – Кто ещё умеет кататься на коньках – три шага вперёд!

Из строя вышли около десятка солдат.

Не поворачивая головы, Сергей заметил Игоря Васильева, Петра Уточкина и пожилого бойца, которого все уважительно называли Степаныч.

Полковник повернулся к комбату:

– Прошу следовать за мной.

Задача, поставленная полковником, оказалась предельно ясной: провести на Ладоге ледовую разведку для будущей автомобильной трассы. Полковник указал пальцем по разложенной карте от деревни Коккореево на западном берегу до Кобоны – на восточном.

– Тут в двадцати километрах стоят немцы. Совсем близко от будущей дороги. От Коккореево до Кобоны по прямой тридцать километров, но вы должны идти этим направлением, – рука полковника обвела плавную линию, – потому что по дороге придётся обогнуть тёплые ключи. Они бьют со дна Ладожского озера, образуя майну – участок незамерзающей воды. Будьте внимательны, не сбейтесь с курса.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник, – рискнул спросить Сергей.

Полковник оторвался от карты:

– Спрашивайте, боец. Имеете право.

Сергей постарался сформулировать вопрос как можно чётче:

– Товарищ полковник, я знаю район Кобоны. Ближайшая железнодорожная станция – Подборовье – расположена за лесополосой. Там нет никаких путей до Кобоны: лес, болота, глушь. Как будут подвозить продовольствие?

– Будет железная дорога. Она уже спешно прокладывается.

– Но как? – вырвалось у Степаныча.

Полковник кинул строгий взгляд, но видимо, решив не обижать пожилого солдата, пояснил:

– Задействованы войска, работают тысячи добровольцев, колхозники. Работа идёт круглые сутки. Ночью – при свете костров.

– Но ведь бомбят...

– Да, бомбят. Но в противоположной стороне от дороги рабочие разжигают ложные костры для маскировки.

Поднеся руку к лицу, полковник потёр глаза, и стало видно, что за строгой выправкой скрывается непомерная усталость.

Группе ледовой разведки выдали шесты, верёвки, ломы и велели держаться друг от друга на расстоянии двадцати метров и через каждые полкилометра мерить толщину льда. Командиром группы был назначен капитан Сорокин. Он шёл замыкающим левого фланга, поручив Сергею отмерять расстояние.

В день выхода на Ладогу установился сильный мороз. Мело так, что Сергей с трудом мог разглядеть собственные руки в овчинных рукавицах, выданных отряду из стратегических запасов интенданта. Ветер в лицо вышибал слёзы.

Спасибо Степанычу, который посоветовал ребятам обмазать щёки солидолом, а то обморозились бы в первый же час.

Вздыбившееся торосами полотно Ладоги опасно колыхалось под коньками свежими полыньями. Запорошенные снегом, они возникали внезапно, когда нога прочерчивала тонкую прямую линию. Одно неосторожное движение – и над головой сомкнётся студенистая ледяная каша.

Шли медленно, растянувшись длинной цепью. Отсчитывая по семьсот шагов, капитан Сорокин останавливался и давал команду бить лунки. На каждое движение замёрзшие мышцы отзывались резкой болью, но Сергей ей даже радовался, зная, что если наступит бесчувствие, то обморожение может стать необратимым.

Вскоре под лёд провалился Игорь Васильев, он шёл первым справа.

Дойдя до середины очередной дистанции, Сергей услышал тихий всплеск, перерезанный коротким вскриком:

– Помогите!

Запнувшись коньком о торос, он бросился на помощь. От тёмной толщи воды, прикрытой тонким слоем льда, становилось по-настоящему страшно.

На миг остановившись, Сорокин поднял вверх руку, призывая к вниманию.

– Всем стоять на месте! – скомандовал капитан Сорокин. – Не хватало уйти под лёд всей группой.

Судя по широкому радиусу, полынья, в которой барахтался Игорь, была пробита разрывом снаряда и успела схватиться только по краям. На кромке лёд ещё держал человеческий вес, но только если лечь плашмя. Раскинув руки в стороны, Сергей распластался по льду и стал медленно ползти вперёд, продвигаясь по сантиметру. Лёд под ним хрустел и крошился. Вытягивая шею, он мог видеть, как голова Игоря то появлялась на поверхности, то исчезала.

Руками, коленями, животом Сергей ощущал, что под ним почти нет опоры и держаться на льду ему помогает какая-то неведомая сила, которой он не знал названия, но молился про себя, чтобы не ухнуть в ледяную бездну.

Как он ухитрился кинуть Игорю верёвку, непонятно даже ему самому. Но Игорь сумел ухватиться за завязанный узлом конец, и Сергей стал медленно отползать назад к товарищам. От неимоверной тяжести мужского тела в мокрой одежде у Сергея выворачивались руки в суставах, а по ободранной щеке сочились капли крови. Но всё-таки он вытащил Игоря, а после, стуча зубами от холода и напряжения, не мог сделать глоток спирта из фляжки капитана.

Поскольку вариант купания в прорубе был предусмотрен и пара комплектов запасной одежды распределена по вещмешкам, то прямо на морозе, подпрыгивая от ледящего ветра,

Сергей с Игорем переоделись в сухое и группа снова выдвинулась вперёд. Семьсот шагов, остановка, лунка.

На пятнадцатом километре лёд начал разбегаться трещинами, и капитан Сорокин дал приказ повернуть назад.

Спустя неделю поход повторили и на семнадцатом километре встретились с разведгруппой, которая делала замеры с противоположного берега от Кобоны.

Ещё через несколько дней из автобата по намеченной трассе пошла пробная машина без груза. Она не вернулась.

Следующим по ладожскому льду пошёл санный обоз, и только затем шофёры получили приказ выйти первым караваном.

* * *

К 20 ноября 1941 г. толщина льда на Ладожском озере достигла 180 мм. На лёд вышли конные обозы. 22 ноября за грузом по следу лошадей поехали машины. На следующий день в Ленинград доставили 52 тонны продовольствия. Из-за хрупкости льда грузовики везли по 2–3 мешка, и даже при такой осторожности несколько машин затонуло. Позже к грузовикам стали прикреплять сани – это позволяло уменьшить давление на лёд и увеличить количество груза.

* * *

Вчера умерла тётя Женя. Сложив на животе большие руки, она лежала на полу и невидящими глазами смотрела в потолок.

Утром она поднялась, в большой кастрюле сварила ремень Егора Андреевича, а потом ушла в свою комнату, упав мёртвой.

Впрягшись в санки, Катя с Егором Андреевичем отвезли тётю Женю в музыкальную школу на соседней улице. В школьные классы складывали трупы со всего квартала, и из окон торчали руки, ноги, головы, но это давно никого не пугало, потому что мёртвых в Ленинграде становилось больше, чем живых.

А сейчас Катя стояла у двери кухни, куда переселились жить все соседи, и смотрела, как умирает двенадцатилетняя Ниночка. С запрокинутой к потолку головой девочка спокойно вытянулась на кровати, будто заснула. Но по синюшному цвету щёк и заострившемуся носику Катя определила, что счёт Ниночкиной жизни идёт на часы, если не на минуты.

Рядом, свернувшись в клубок, Нину обнимал Ваня, который не плакал, а жалобно поскуливал, словно заблудившийся щенок.

Сама Вера лежала на диване, отвернувшись лицом к стене, и молчала.

«Если бы я могла разыскать хоть крошку еды», – с тоской подумала Вера и внезапно вспомнила колокольню и подобранную с пола корочку хлеба.

Господи, как же я могла забыть!

Распахнув дверь, она кинулась в комнату Егора Андреевича, по ходу задев соседку Кузовкину.

– Смотреть надо, – прошипела она Кате в спину.

Не отвечая, Катя ворвалась в комнату, бросилась на колени и остервенело принялась выбрасывать из рюкзака свои вещи. Блузка, чулки, носки, синяя сатиновая юбка. Где же спортивные шаровары?

Она вспомнила, что тушила в них зажигалки на крыше, а потом засунула на дно платяного ящика, выделенного ей Егором Андреевичем. Не теряя времени, Катя на четвереньках переползла к шкафу и выдвинула ящик. Скатанные в трубочку, шаровары лежали, прижатые посылкой для неведомой тёти Люды. Надо же, она напрочь забыла о ней.

Рывком достав шаровары, Катя скользнула рукой в карман и с облегчением перевела дыхание. Есть!

Корочка хлеба была туго запутана льняной верёвочкой, продетой в ушко крестика. Не став раскручивать, Катя побежала в кухню и налила в кружку тёплой воды.

– Вера, вставай, я нашла хлеб для Нины!

На тёмном лице Веры собрались морщины:

– Я не могу встать, Катюша.

Её надтреснутый голос терялся в пространстве кухни.

Под пристальным взглядом Вани Катя стала крошить хлеб в чашку.

– Тётя Катя, а у тебя для меня есть хлебушек?

– Нет, мой хороший. Потерпи, это для Ниночки. Я тебе завтра хлебец принесу.

Мальчик послушно кивнул стриженной головой, на которой бледными лопушками торчали уши, казавшиеся непомерно большими.

Крестик Вера надела себе на шею. Одной рукой она приподняла Нину за плечи, а другой поднесла ей ко рту кружку.

– Пей, хлебушек.

Нинины веки, похожие на прозрачные крылышки бабочки, дрогнули, но рот она не раскрыла. Ободком кружки Катя стала разжимать ей стиснутые зубы. От первого глотка Нина закашлялась, и Катя сочла это хорошим знаком. Капля за каплей она напоила Нину водой с крошками сухаря и задумалась, машинально затеребив крестик.

Обещанной прибавки норм хлеба пока не было, и если до завтра не накормить Нину, Веру и Ваню, то им с Егором Андреевичем придётся вынести из квартиры три трупа. От невыносимых мыслей хотелось найти укромный угол и спрятаться. Она вспомнила родную Новинку, маму и то, почему она пришла в Ленинград.

Тётина посылка отсюда, из блокадного Ленинграда, казалась невероятной глупостью. Но фанерный ящик можно сжечь и тогда в кухне станет чуть-чуть теплее.

Заставив себя встать, Катя снова пошла в комнату, выстуженную лютым холодом. Он проникал в кости даже сквозь ватник и стёганные брюки, заправленные в валенки. Вскользь Катя подумала, что в последний раз полностью раздевалась в ноябре, когда ещё работали общественные бани.

Сквозь заклеенное газетами окно сочился тусклый свет, мрачно высвечивая полупустую комнату со сломанной для топки мебелью и разбросанными по полу вещами.

Посылочный ящичек стоял боком. Катя снова подивилась его тяжести. Золото там, что ли?

Клещи отыскались среди инструментов Егора Андреевича. Сопя от усердия, она отковыряла крышку, оцетинившуюся гвоздиками, отогнула обёртку содержимого, и в глазах поплыл туман дурноты.

Притиснув к груди сомкнутые руки, Катя смотрела на стол, где стояла посылка, и ей казалось, что она сошла с ума. Кажется, это называется мираж.

Дыхнув на застывшие пальцы, она протянула руку и потрогала посылку. Посылка была настоящей, и сахар в ней тоже был настоящий. Белый, чистый, плотно уложенный ровными рядами.

«Тётя Люда? Зачем? Когда? Почему?» – вопросы стремительно проносились в голове, не оставляя ответов.

Заметавшись по комнате, Катя прижала посылку к груди. Хотя мысли путались, до неё всё же дошло, что сахар надо спрятать и выдавать всем понемногу, чтоб растянуть на подольше. Ниночке, Ване и Вере двойную порцию.

Взгляд упал на верхушку платяного шкафа. Подтянув тумбочку, Катя вскарабкалась наверх и запихала посылку в самый угол, предварительно набрав в карман добрую пригоршню шершавых кусочков пилёного сахара. От счастья, что теперь можно выжить, её бросало то в жар, то в холод.

– Нина, Ваня, Вера, посмотрите, что я вам принесла!

Щедрой рукой она высыпала сахар прямо в чайник и разлила всем по кружке:

– Пейте! А я пойду найду Егора Андреевича.

Возле комнаты Кузовковой её кольнула совесть. Хоть и змея Анна Павловна, а всё же живой человек – надо и с ней поделиться радостью. Нашупав в кармане оставленный для себя кусочек сахара, Катя толчком распахнула дверь.

Наклонившись над швейной машинкой, Анна Павловна в шубе и шапке сидела в ледяной комнате и рукой в варежке крутила колесо швейной машинки. Рыхлой грудой на столе лежали брезентовые рабочие рукавицы, какие были заткнуты у Кати за поясом.

Рукавиц Ленинграду требовалось тысячу тысяч. Их раздавали окопникам, в брезентовых рукавицах тушили пожары и разбирали завалы, надев поверх перчаток, копали могилы и ремонтировали танки.

Остановив колесо машинки, Анна Павловна подозрительно посмотрела на Катю:

– Что надо?

Из её рта шёл пар, растворяясь в морозном воздухе.

– Ничего. Вот.

Шагнув к столу, Катя положила на станину машинки кусочек сахара.

По лицу Анны Павловны пробежала дрожь. Обеими руками она схватила сахар, запихала его в рот и упёрлась лбом в станину швейной машинки.

* * *

Сводка ленинградских событий за 25 ноября, вторник.

Пытаясь выйти по кратчайшему пути к южному берегу Ладожского озера, враг начал сегодня наступление в направлении станции Войбокало. В тяжелых боях наши войска отразили эти удары.

Бойцы местной противовоздушной обороны Ленинграда рискуют подчас не меньше, чем фронтовики. Сегодня взвод аварийно-восстановительной команды 11-го участка МПВО Московского района в течение двух часов подвергался угрозе быть засыпанным. Над местом, где работал взвод, спасая людей, оказавшихся в разбитом бомбой доме № 33 по Тамбовской улице, нависла накренившаяся от взрыва стена соседнего дома. Едва бойцы откопали и вынесли в безопасное место четырех мальчиков, как стена обрушилась.

Продолжая работы, взвод Дмитриева спас ещё 28 человек. Последним через 12 часов изнурительного труда был извлечён из-под обломков чудом уцелевший годовалый ребёнок¹⁵.

¹⁵ Буров А.В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1969.

* * *

На толкучке у Нарвских ворот за полкило сахара Гришину пришлось выложить два золотых хронометра. Высшая проба, две крышки, гравированный узор по ободку за кулёчек сахара! Вы только подумайте, люди добрые, до чего барыги обнаглели!

Торговаться Михаилу Михайловичу не приходилось, потому что мороз крепчал, а он промёрз и продрог, несмотря на усиленный завтрак из трёх яиц и крепкого чая.

На доходяг, бродящих по рынку в надежде купить хоть что-нибудь съестное, Михаил Михайлович смотрел с жалостью и презрением. Попытка сторговать еду за деньги представлялась безнадёжным предприятием. За десять рублей можно было купить разве что стаканчик земли с Бадаевских складов. Землю, спёкшуюся со сгоревшим сахаром, размешивали в кипятке и пили. В ход шёл обмен вещами и драгоценностями. Порой Михаилу Михайловичу приходилось делать тройной обмен: сначала менять золото на продукты, а потом продукты на что-нибудь нужное в приданое Лерочке.

На прошлой неделе подфартило прикупить для Леры бриллиантовую брошь с рубиновой осыпью. Обезумевшая от голода старуха отдала её за буханку хлеба, а потом едва не целовала ему руки в благодарность.

Кулёк с сахаром Гришин спрятал во внутренний карман пальто, чтоб по дороге не вырвали беспризорники. Сначала надо зайти домой, передохнуть, подкрепиться, а потом сходить в госпиталь к Лерочке, отнести ей сахарку. Сахар она возьмёт, потому что успела наголодаться на пайке хлеба.

К воротам госпиталя Гришин пришёл после полудня, торопясь успеть до начала обстрела. Обогнув вереницу машин с красными крестами, он шагнул в проходную, забитую женщинами и детьми.

Постового на пропускном пункте он знал, поэтому в очередь не встал, а сразу подошёл к окошку:

– Вызовите мне Калерию Гришину из хирургии.

Дежурный рядовой со скуластым монгольским лицом долго крутил ручку коммутатора, с кем-то разговаривал, а потом развёл руками:

– Нет Гришиной. Откомандирована в действующие войска.

– Как?

Над Михаилом Михайловичем словно смерть пролетела. Страшные слова осиновым колом засели в сердце. Сочетание «Лера и фронт» стояло за гранью его налаженного бытия, выстроенного так, чтобы суметь остаться в живых при любых обстоятельствах. Прислонившись к стойке, Михаил Михайлович стал медленно сползать вниз, пока не уткнулся коленями в чьи-то валенки с привязанными верёвочкой галошами.

– Умер, что ли? – с вопросительной интонацией произнёс женский голос над его головой.

А другой, старушечий, в ответ прошамкал:

– Да нет, вроде живой. Посмотрите, какой он упитанный, такой не помрёт.

Две женщины, старая и молодая, подняли его под руки и помогли выйти на улицу.

От лютого холода в груди замерзало дыхание. Вдоль занесённых снегом улиц стояли обломки домов с обвалившимися стенами. На одном из этажей, зацепившись за край, висела гармонь-трёхрядка. Раньше Гришин старался не обращать внимания на следы войны, а теперь они словно вынырнули из тумана, напоминая о смерти под бомбами и снарядами. Если Лера погибнет, то купленные бриллианты, запас продовольствия, ленинградская квартира и в целом сытая, спокойная жизнь не имеют ровно никакого значения. Не так он воспитал дочь, как надо. Совсем не так. Умные девушки под пули не лезут.

Домой он приплёлся, разваливаясь на куски, как столетний дед.

У соседки Алевтины, как всегда, было тихо.

Михаил Михайлович прошёл в свою комнату и, не забыв пересыпать сахар в сахарницу, придавленный горем, лёг спать без ужина.

* * *

Когда смотреть в просящие детские глаза стало совсем непереносимо, Алевтина Бочкарёва стала кормить дочек газетами, размоченными в воде до состояния жидкой каши.

Больше в доме ничего не было. Хлебная норма за неделю вперёд съелась ещё вчера. На день им троим полагалось триста семьдесят пять граммов хлеба – два ломтя. До войны за обедом столько отрезал от буханки её муж – токарь-расточник на заводе пишущих машинок «Ленинград». Сейчас на «Пишмаше» хозяйничают немцы, а муж Иван где-то воюет, если ещё жив. Приколол на стену его фотографию, Алевтина часто смотрела на родное лицо с лихим завитком волос из-под кепки по моде тридцатых годов. Иван подарил ей фото вскоре после знакомства, подписав в уголке остроугольным почерком: «Лучше вспомнить и взглянуть, чем взглянуть и вспомнить».

В день их венчания с неба сыпал мелкий дождь. Косыми струями он исполосовал зелёную обшивку деревянной церкви и вымочил землю под ногами, облепив песчинками новые туфельки с перетяжкой. Фата, сплетённая крестной из белых катушечных ниток, намочила и свисала с головы, как кухонная тряпка. Почему-то фата беспокоила Алевтину больше всего. Представляя себя со стороны, она думала, что похожа на общипанную курицу, и готовилась заплакать.

Венчавший их отец Александр заметил и улыбнулся:

– Радуйся малым бедам, когда-нибудь ты вспомнишь их с любовью.

Впоследствии Алевтина много раз вспоминала слова, сказанные старым священником.

Особенно рвалось сердце, когда уходил на фронт Иван. На призывной пункт он оделся так же, как каждый день ходил на работу: в тёмной курточке, кепке и серых брюках, заправленных в кирзовые сапоги.

Взяв на руки девочек, Алевтина в толпе женщин бежала за колонной с добровольцами пока у баррикады с песком не преградили дорогу военные патрули:

– Куда, гражданочки? Дальше ходу нет.

– Ваня! – не помня себя, закричала Алевтина, вмещая в крик любовь и отчаяние, словно звук голоса связывал её с мужем невидимой нитью, которая сейчас оборвётся навсегда.

Рядом с ней стояли другие женщины и тоже голосили, махали руками, плакали. Обернувшись, Иван резким движением сорвал с головы кепку:

– Береги дочек!

Сейчас об Иване Алевтина почти не думала, потому что страх за детей и голод вытеснили из головы все мысли, кроме одной: где достать еды? Хоть крошку, хоть каплю!

Грешным делом, Алевтина даже позавидовала тем, кто попал под обстрел или бомбёжку, потому что они уже отмучились.

Отвернувшись от детей, чтобы не видеть их осунувшиеся личики с бездонными глазами, она попыталась прочитать молитву. Но тысячи раз затвержённые фразы рассыпались, не успевая долететь до сознания. И тогда она стала просто повторять на одной ноте: «Господи, Господи, Господи», пока слова не заполнили собой всё пространство мира внутри и снаружи.

– Господи, не оставь, Господи, помоги.

Опираясь ладонью на стены, Алевтина вышла на улицу и побрела прочь от дома, в котором умирали её дети.

Когда над головой просвистел снаряд, она откачнулась в высокий сугроб, повалившись на спину. Встать оттуда Алевтина уже не могла и только бездумно смотрела вверх, на серое небо, затянутое сплошной облачностью. Мыслей не было, и только губы повторяли:

– Господи, помоги, Господи, не оставь.

– Поднимайтесь, гражданка. Давайте вам помогу.

Размытым зрением Алевтина увидела склонившийся над ней чёрный силуэт моряка в зимнем бушлате и подалась навстречу его рукам.

– Мне надо вернуться, у меня дети, – деревянным голосом сказала она моряку с широким добродушным лицом, перерезанным по щеке шрамом.

Моряк втянул голову в плечи, сразу став меньше ростом:

– А мои все погибли под бомбёжкой. – Его рот свело судорогой. Сдёрнув с плеча мешок, он достал оттуда газетный свёрток и сунул Алевтине. – Возьми. Своим нёс. А им уже не надо.

Алевтине не надо было говорить, что лежит в свёртке. Чутьём матери, спасающей жизнь своих детёнышей, она прижала подарок к груди, не в силах выразить свою благодарность. Глядя вслед уходящему матросу, она крестилась на его спину, затянутую в чёрный бушлат:

– Спасибо тебе, Господи!

Спеша к дочкам, Алевтина твёрдо верила, что сегодня увидела самого Господа Бога, одетого в матросскую форму.

В свёртке оказался кулёчек конфет, три брикета горохового концентрата и целый килограмм пшённой крупы.

На следующий день пришло письмо от Ивана. Почта, как ни странно, работала. В дверь постучала девочка-почтальонша в лысой заячьей шубке, утеплённой стёганой рабочей жилеткой:

– Вам письмо. – Окинув Алевтину понимающим взглядом, утвердительно сказала: – Я знаю, вы сами прочитаете. А то старикам мне читать приходится.

– Погоди.

Алевтина метнулась в комнату и сунула девочке в сумку карамельку в зелёной завёртке из матросова гостинца.

– А, спасибо, – не удивилась девочка, деловито хлопнув по сумке ладошкой в варежке, – по этажам ходить силы нужны.

Простым карандашом на измятой бумаге из школьной тетрадки муж писал, что жив, здоров, бьёт врага. И снова просил: «Береги дочек».

* * *

Когда Сергей загрузился в Кобоне, время шло к полудню. Потемневшее небо закрылось тучами, дальней стороной сползая на кромку льда, запорошенного тонким слоем снега.

Со стороны Ленинграда по льду пробирался гужевой обоз, на фоне белого снега выглядывший тёмной гусеницей.

Шофёр соседней полуторки, весёлый белорус Василь Голубович поднял вверх большой палец:

– Хороша погодка – самолётам не подняться, значит, домчим без приключений.

В знак согласия Сергей поднял над головой сжатый кулак и двинул вперёд по трассе, пристраиваясь в хвост соседней машины.

Перед выездом первой колонны шофёры автобата устроили небольшой митинг, а после него вышел капитан Порчунов, возглавлявший рейс, и строго напомнил:

– Приказываю держать дистанцию сто пятьдесят – двести метров, дверцы кабин открыты, скорость предельно возможная – сорок пять – пятьдесят километров в час. Самовольная остановка на трассе будет караться по законам военного времени.

Нестроение у всех было приподнятое: хлеб везём!

Лед, толщина которого едва достигла двадцати сантиметров, ощутимо прогибался под весом грузовиков. Ребёнком, Сергей подобным образом возил игрушечную машинку по растянутому льняному полотенцу. Только льняная дорога хоть и ходила ходуном, но машинку держала надёжно и трещинами не разбегалась. Тридцать километров пути – это много или мало? Мало, если ехать по шоссе под мирным небом да по хорошей погодке. И очень много, если под полторкой трещит тонкий лёд, чёрными провалами зияют полыньи, колёса прокручиваются на гладком льду, а сверху сыплются бомбы и стрекочут пулемётные очереди.

В кармане у Сергея лежали две шоколадки, купленные на Большой земле, – одна для мамы, а вторая для Кати.

Глядя на вехи, вмороженные в лёд по сторонам дороги, Сергей вспомнил о последней встрече с Катей. Пару дней назад он заскочил в казарму МПВО по пути в шофёрскую столовую на Невском проспекте. Ремонтируя машину, он устал до одури и мечтал о тарелке супа, пусть хотя бы и жидкого, с редкими крупинками пшена и кусочками мёрзлой картошки.

Шёл крупный, влажный снег. Налипая на деревья, он украсил снежинками ушанку высокой девушки-дневальной, которая зябко переступала с ноги на ногу.

– Здравия желаю, можно вызвать ко мне Ясину? – по-военному спросил Сергей, чтобы подстроиться под суровый вид девушки, вопросительно глядевшей в его сторону.

– Катя на дежурстве, – сказала девушка, после того как внимательно исследовала его личность. Видимо, уловив разочарование, она смилостивилась и махнула рукой в направлении Троицкого собора: – Ясина с Роговой в том квартале дежурят, если повезёт, то встретитесь.

Когда Сергей дошёл до конца дорожки, девушка окликнула:

– Товарищ шофёр!

Он повернулся.

– Спасибо за хлеб с Большой земли!

Разыскивая Катю, Сергей проехал несколько улиц, притормаживая на каждом перекрёстке, и уже стал давать задний ход, как по ближайшему дому ахнул разрыв снаряда. Нога автоматически нажала на педаль газа. Пробоина в радиаторе пришлась бы явно не к месту. Выкручивая руль, Сергей рванул в безопасную зону на противоположной стороне улицы и вдруг увидел Катю. Согнувшись в три погибели, она подмышки волочила мужчину, который оставлял на снегу извилистый кровавый след.

– Катя!

Пристроившись рядом, Сергей помог отнести раненого в безопасное место, и пока Катя останавливала кровотечение, успел положить ей в сумку маленький кулёчек солёных сухариков.

Не отвлекаясь от дела, она искоса бросила короткий взгляд на Сергея и ласково обратилась к мужчине:

– Потерпите, сейчас мы вас отправим в больницу. Повезло вам, что рядом машина оказалась.

От её слов мужчина застонал и задёргал ногами, словно в предсмертных судорогах. Сергею стало не по себе, что раненый сейчас умрёт, прямо здесь, на Катиных руках, мокрых от крови и снега. Не соображая, чем может помочь, Сергей наклонился и услышал спокойный Катин голос:

– Серёжа, посади его к себе в кабину, больница за углом. Довезёшь?

Исхудавшая, с ввалившимися щеками и в завязанной под подбородком ушанке, она показала ему прекрасной, как Рафаэлевская мадонна. «Сразу после войны надо будет сводить Катю в Эрмитаж», – мелькнула проходная мысль, тут же растаявшая, как снежинка.

Прикидывая, что пообедать, скорее всего, не успеет, Сергей согласно кивнул:

– Конечно, отвезу, Катя.

Он хотел спросить что-то ещё, но Катя всё равно бы не расслышала, потому что воздух распорол сирена воздушной тревоги.

Воспоминания о Кате оборвал короткий сигнал идущей впереди машины.

Тревога? Промоина?

Сбросив скорость, Сергей выглянул в окно, и его рука тоже надавила на клаксон.

Чтобы стать выше, девушка-регулировщица забралась на сугроб и, подняв красный флажок, весело помахивала им в морозном воздухе. Она была невысока ростом, но такая ладная, симпатичная и совсем юная, словно цветочек, невесть каким образом выросший на ледяных торосах.

Миновав регулировщицу, караван машин прошёл мимо группы людей у штабеля ящиков с оборудованием. Там шла работа по установке медпункта.

Девушка с санитарной сумкой на боку, стоявшая в окружении мужчин, подняла голову и улыбнулась вслед уходящим машинам: зажила дорога, заработала, задышала.

Она снова повернулась к мужчинам и, озабоченно нахмурившись, сказала:

– Что же будем делать? Ума не приложу.

* * *

Огромная роль в медицинском обслуживании людей на льду принадлежала созданным в самом начале действия ледовой дороги специальным перевязочно-обогревательным пунктам. В их задачу входило обогревание людей и оказание им первой медицинской помощи. Эти пункты находились в постоянной готовности, так как противник систематически обстреливал и бомбардировал трассу. Помощь была нужна также при особенно сильных морозах и в случаях провалов машин под лед.

* * *

– Что же будем делать? Ума не приложу, – сказала военфельдшер Лера Гришина, проводив глазами колонну полуторок. Грузённые продовольствием машины шли на Ленинград, и Лера знала, что уже завтра благодаря этому рейсу несколько сотен человек останутся в живых. Она воочию представляла их, ставших тенями, с серыми лицами и тусклыми глазами, как те две девочки, что живут в папиной квартире. В последнюю увольнительную Лера подарила малышам концентрат каши, выданный в сухом пайке перед отправкой на Ладогу. Её официальное назначение: «Военно-автомобильная дорога номер сто один».

Повернувшись спиной к ветру, Лера посмотрела на виноватые лица трёх санитаров и почувствовала, что на глазах закипают слёзы от собственного бессилия. Отправляясь на Ладогу, она готовилась к бомбёжкам, перевязкам, героическому спасению раненых, работе без сна и отдыха, а на деле оказалась неспособна на малое – поставить шатёр и развернуть работу медпункта. Палатку вместимостью сто человек она с санитарями пыталась установить три раза, но при сильном порыве ветра палатка исправно заваливалась набок, прикрывая груды оборудования брезентовым пологом. Гладкий лёд под ногами отзывался на шаги весёлым звоном, и Лера подумала, что с таким же успехом можно вбивать колышки в кусок стекла или зеркало.

– А может, палатку, того, ящиками придавить? – предложил санитар Круглов – седой как лунь мужчина, на гражданке работавший вахтёром в зоопарке.

Два других бойца-санитара – Илья Осадчий и Гоша Малинин – удручённо молчали. На нестроевую службу призывали не прошедших медкомиссию: Круглов хромал, Осадчий после

ранения ослеп на один глаз, а Гоше Малинину едва исполнилось шестнадцать лет и он считался сыном полка.

«Три грации», – самокритично охарактеризовал их троицу искусствовед Осадчий.

– Ящиками мы уже пробовали, – напомнила Лера, наблюдая, как Круглов понурился под её взглядом. – Вскрывайте пока ящики, а я пошла на поклон к дорожникам.

Холодный вязкий воздух комом застревал в горле, вызnobляя тело изнутри. Чтобы согреться, Лера сунула руки в рукава и прибавила шаг, благо дорожники были в зоне видимости. Тяжело ворочая крючьями, они вмораживали в лёд балки, готовя мостик через трещину. Увидев Леру, мужчины явно обрадовались передышке и дружно закурили махорку с терпким запахом сушёных трав.

– Что тебе, сестричка? – спросил самый старший боец, потирая заскорузлые от мороза руки. На его растрескавшиеся пальцы с ободранными ногтями было больно смотреть. Перехватив Лерин взгляд, он усмехнулся: – Ничего, выдюжим. Говори, зачем пришла.

– Палатку не поставить. – Лера чувствовала, что говорит жалобно, как школьница, а не как военфельдшер, в чьём подчинении пусть маленький, но личный состав бойцов.

– Тю-ю, палатку, вот ерунда! – Дорожник улыбнулся, и от этого Лере на душе стало легче. Может, и правда ерунда?

– Ты вот что, дочка, прикажи своим орлам прорубить лунку.

– Во льду?

– Сейчас лёд молодой, не крошится. В дыру поставь мачту и залей её горячей водой. А полы палатки вморозь, тогда ветром не сорвёт. До весны стоять будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.